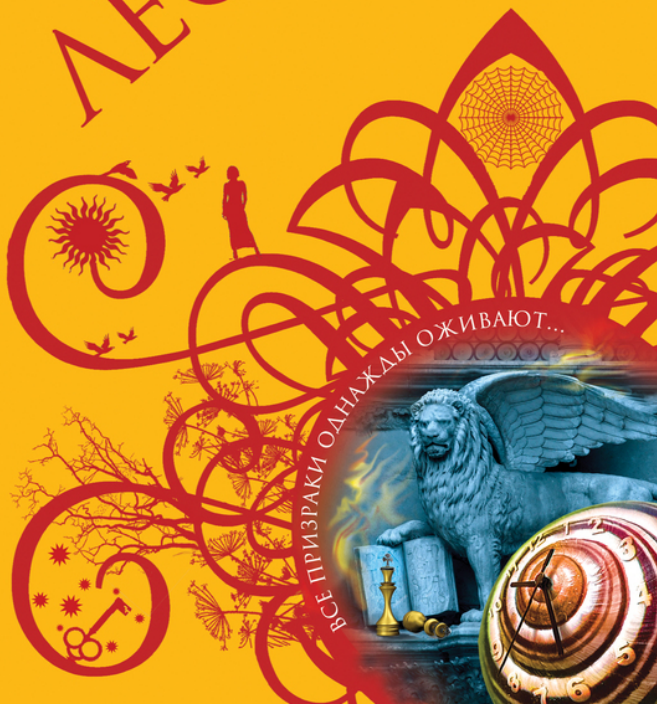

авантюрная
мелодрама

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

КРЫЛАТЫЙ СФИНКС,
ПЕЧАЛЬНЫЙ ЦЕРБЕР

Антон Валерьевич Леонтьев
Крылатый сфинкс,
печальный цербер
Серия «Авантюрная мелодрама»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24434564
Крылатый сфинкс, печальный цербер : [роман] / Антон Леонтьев.: «Э»;
Москва; 2017
ISBN 978-5-699-98254-7

Аннотация

Сбежав с сыном Кириюшей от богатого мужа, Наталья решила купить старинный особняк в Подмоскowie. Ей так понравилось тихое место, в котором он расположен, что ее даже не насторожила дурная слава – поговаривали, что в доме произошло несколько убийств, к тому же в нем обитает призрак. В первый же день после переезда Кирыуша рассказал матери, что видел странного мальчика в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами. Конечно, Наталья решила, что ребенок просто выдумал себе несуществующего друга. Но совсем скоро она обнаружила в старинном шкафу тайный ход, о котором якобы рассказал ее сыну новый знакомый. Неужели все слухи о доме – правда? А потом Кирилл исчез! По словам соседки, его увел мальчик в красной рубашке...

Содержание

Наталья	4
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Антон Леонтьев

Крылатый сфинкс, печальный цербер

*Каждый человек всегда
чей-нибудь ребенок.*

Пьер Бомарше

Наталья

– А еще говорят, что в доме водится призрак, – заметил с улыбкой агент по продаже недвижимости, стараясь, чтобы его тон звучал как можно более непринужденно. Все равно до потенциальной покупательницы наверняка дошли кое-какие слухи, так что следует самому взять быка за рога – до

того, как она сама задаст неприятный вопрос.

Потенциальная покупательница, дама лет тридцати с небольшим, элегантная блондинка, облаченная в дизайнерский костюм, внимательно посмотрела на агента по продаже недвижимости и произнесла:

– Я знаю... Тут ведь произошло убийство? Причем, кажется, даже *и не одно*...

Агент про себя чертыхнулся. Значит, эта тоже из разряда тех, которые, прежде чем приехать осматривать этот подмосковный особняк, копошатся в Интернете, собирая слухи и сплетни. Так и есть, от этого дома ему никогда не суждено избавиться! Так ведь всегда: приезжают, осматривают, выражают восторг, задают вопросы, обещают подумать – и отвечают отказом.

Так будет и в этот раз.

Он вздохнул, наверное, несколько более громко, чем следовало, однако отрицать очевидное было не в его интересах. Собственно, для этого он и упоминал о призраке, чтобы увести разговор в сторону от иной, гораздо более мрачной темы. Милый домашний фантом, не исключено, привлечет покупателей, а вот сведения о том, что в этом доме случилось убийство... Причем и в этом элегантная блондинка была права, *даже и не одно*...

– Ну, у каждого дома, который старше ста лет, имеется подобная история... – протянул нервно агент, раздумывая, что именно могла знать клиентка: *всю* правду или только ее

часть?

Ему повезло – телефон в кармане его плаща ожил, послышался спасительный звонок мобильного, и агент, ликуя, извинился, оставил клиентку в холле одну и вышел в коридор, радуясь тому, что ему не придется давать объяснения.

Клиентка, оставшись в одиночестве, осмотрелась и подошла к окну. Особняк ей определенно *нравился*. Выглянув в сад, она заметила старые деревья. Возможно, кто-то фыркнул бы и решил, что здесь лучше не жить, но только не она.

Да, у этого дома была своя трагическая история, но ведь дома как люди: в их жизни тоже случаются дурные вещи.

Например, *как у нее самой*.

Уловив краем уха стрекот агента по недвижимости, который не внушал ей особого доверия, женщина, которую звали Натальей, прошла в смежную угловую комнату. Из нее получился бы отличный кабинет.

Затем, снова выйдя в холл, она поднялась по изящной лестнице на второй этаж. Кабинет кабинетом, но ей требовалась детская – *для сына*. Потому что сын – это все, что у нее еще оставалось *от прошлой жизни*.

Конечно, у нее было другое ее детище, ее издательство, *ее с мужем*, однако именно что *было*. Она не сомневалась, что Алексей проявит жесткость и не изменит своего первоначального решения. Ведь она знала своего мужа как никто другой. Он ведь сказал ей тогда, во время их серьезного раз-

говора, что приложит все усилия, чтобы выдать ее из издательского бизнеса – *и сделает это.*

У нее перехватило дух, когда она зашла в одну из комнат. Нет, ничего особенного там не было, кое-какая покрытая чехлами мебель: прежние владельцы съехали более чем поспешно, не проявляя ни малейшей заботы в отношении обстановки. На то имелись *свои причины*. Однако мебель ее не интересовала.

Фантазия работала уже вовсю: да, если выкрасить комнату в желтый или, скажем, персиковый цвет... Хотя Кирюша скажет, что оттенки какие-то девчачьи... Ладно, можно взять в итоге бирюзовый или стальной... Хотя она была уверена: после всего того, что им пришлось пережить, ребенку требуется повышающая тонус атмосфера...

Однако она была уверена – сыну комната понравится, и не только комната, но и весь дом. Конечно, он не шел ни в какое сравнение с подмосковным палаццо, в котором они обитали до недавнего времени. Они – *небольшая дружная семья*.

Впрочем, не следует обманывать саму себя: дружной семьей они в течение многих лет уже не были. Да, Алексей и она когда-то любили друг друга, но это было *давно и неправда*. Не исключено, что они развелись бы уже много лет назад, однако появился на свет Кирюша... Ребенок, который стал их новым шансом...

Шансом, которым не воспользовались ни Алексей, ни она сама.

Ее внимание привлек старинный, видимо, установленный еще первыми владельцами, во времена товарища Сталина, шкаф: темный, дубовый, чем-то похожий на стоящий вертикально гроб... Нет, она отдаст распоряжение убрать эту машину, хотя ее придется буквально *выкорчевывать* из стены – создавалось впечатление, что шкаф врос в комнату.

Женщина дотронулась до резной поверхности дверцы шкафа, а затем, повинувшись какому-то неведомому импульсу, попробовала распахнуть его. Однако дверцы были заперты.

Очень интересно...

Она обернулась, стараясь отыскать ключ, который надлежало вставить в замочную скважину и который вообще-то должен был торчать в двери. Однако никакого ключа и в помине не было. Быть может, ключи есть у агента? Хотя она представить себе не могла, что тот забрал и носит с собой ключи от шкафа. *Зачем ему это?*

Снова дернув дверцу и убедившись, что просто так ее не открыть, женщина шагнула к окну. Подоконник был пыльный, она провела по нему пальцем и задумалась. А точно ли Кирюше будет здесь *хорошо*?

Он был долгожданным ребенком – но, вероятно, *для нее*, а не для Алексея. Ведь у того от первого брака имелись уже два сына. *А он так хотел лапочку-дочку.* Его прежняя семья, которую он бросил тогда ради нее, но с которой возобновил некоторое время назад контакт. Зачем ему еще один ребенок, *к тому же снова мальчишка?*

А вот она хотела только *сына!* Тем более что она когда-то давным-давно из-за врачебной халатности потеряла своего первого ребенка, тоже *мальчика*, а затем в течение многих лет не могла забеременеть. Врачи уверяли, что детей у нее быть не может, однако она им не верила, ведь такое они говорили и *до того*, как она стала матерью. Она надеялась, нет, *твердо знала*, что станет матерью во второй раз! И что снова свершится *чудо*.

Чудо в самом деле снова *свершилось*. Много лет спустя наступил чудный, невероятный день... Когда она поняла, что снова беременна. О, какое это было упоение, какое это было *счастье*...

Ход ее мыслей прервал тонкий скрип. Женщина обернулась – и заметила, что дверца шкафа приоткрылась. Как же так, ведь она только что дергала за ручку, пытаясь открыть шкаф, однако у нее ничего не выходило.

Наверное, предположила она, снова подходя к шкафу, тот не был заперт на ключ, дверцы были просто плотно закрыты. Хотя она могла поклясться, что это не так...

Но в жизни многое *далеко не так, как кажется*...

Она распахнула дверцы – и убедилась, что в огромном, чрезвычайно глубоком шкафу, походившем на небольшую комнату, ничего нет. Только в углу на металлической штанге сиротливо висела старая деревянная вешалка.

– Ага, вот вы где... Прошу прощения, мы можем продол-

жить осмотр особняка... – донесся до нее голос агента по продаже недвижимости, вошедшего в комнату. Женщина заметила, как его лицо передернулось, однако этот слащавый тип быстро взял себя в руки.

– Я уже увидела все, что мне нужно, – промолвила клиентка, закрывая дверь шкафа. Лицо агента отразило уныние – он наверняка решил, что она, как и все предыдущие, заявит, что объект ей не подходит.

– Это как раз то, что я ищу. Так что я думаю, что возьму его...

Агент не поверил своим ушам. Неужели эта элегантная, несколько надменная особа, являвшаяся супругой владельца крупного издательского дома и, по непроверенным слухам, разводившаяся с ним, только что сообщила ему, что желает купить этот чертов дом?

– Э... Правильно я вас понимаю, Наталья Александровна... – протянул агент, желая удостовериться, что все понял верно.

Дама усмехнулась и, выходя из комнаты, произнесла:

– Да, правильно. Я хочу оформить покупку этого особняка, скажем, в течение следующего месяца. Он нравится мне, уверена, понравится и моему сыну. Кстати, у вас имеются ключи от шкафа?

– От шкафа? – Агент в непонимании дернул головой. – Вы имеете в виду, от того, что стоит в комнате? *Но ведь ключ торчит в двери!*

Женщина резко обернулась и вернулась к шкафу. И в самом деле, в замочной скважине торчал витой старинный металлический ключ. Она что, не увидела его? Нет, это полностью исключено...

— Это вы его только что туда вставили? — спросила она подозрительно, бросая взгляд на агента. Тот вскинул брови и несколько обиженно протянул:

— Нет, что вы, ключи тут во всех шкафах торчат, мы их с собой не забираем. Не хотим рисковать, чтобы они не потерялись. И этот ключ торчит здесь *с самого начала!*

Клиентка, словно не доверяя ему, подошла к двери, ощупала ключ и распахнула дверцу. Та пронзительно скрипнула, а единственная вешалка мерно закачалась. Всматриваясь в побледневшее лицо Натальи, агент подумал, что сейчас она сообщит ему, что *передумала...*

Этот чертов *призрак!* Хотя нет, как он мог забыть, что эту байку с милым привидением они сами изобрели в конторе, чтобы отвлекать внимание потенциальных клиентов от других, *гораздо более серьезных* вещей.

Шила-то в мешке не утаить: в этом доме умерло уж *слишком много* людей. Причем почти все — *насильственной смертью*.

И этот шкаф... Ну, может, не в этой комнате, а в соседней... Там ведь имелаась какая-то ужасная история с этим чертовым шкафом... Кто-то не нашел места лучше и повесился именно в шкафу... Это было давно, и тогда в этом

подмосковном дачном массиве обитали деятели искусств, но факт остается фактом: в этом шкафу или, впрочем, в каком-то другом висел самоубийца...

– Я передумала, – донеслись до агента сакраментальные слова. Он взглянул на клиентку, сожалея, что рыба и в этот раз сорвалась с крючка. Что же, лучше всего снести этот особняк и на его месте возвести новый: в пять минут с руками оторвут. Но в этом-то и дело, нельзя, он ведь был частью культурного наследия и находился под защитой государства...

Агент снова вздохнул, а клиентка, закрывая дверцы шкафа и запирая их на ключ, произнесла:

– Я хочу, чтобы вы занялись оформлением бумаг *как можно скорее*. Я хочу въехать сюда на следующей неделе...

– Мама, мама, тут так круто! – Кирюша, сбежав с лестницы, бухнулся в живот новой владелице особняка и нежно обнял ее. – А можно все останется, как и есть? Мы не будем его ремонтировать...

Наталья расхохоталась, наклонилась, поцеловала сына в вихрастую макушку и произнесла:

– Ну, совсем не ремонтировать не получится...

Сын поднял на нее улыбающееся лицо и заявил:

– А почему? Это ведь такой замок с привидениями! Зачем нам новая мебель? Тут можно играть в прятки... Давай сейчас сыграем! Мама, найди меня, найди!

И он взбежал по лестнице на второй этаж. Наталья рас- смеялась, ощущая, что с плеч гора упала: она опасалась, что ее сыну, пятилетнему Кириллу, их новый дом может не по- нравиться. Хотя знала, что понравится: для сына она особ- няк и выбирала.

Нет, в действительности она опасалась иного. Того, что он задаст ей вопрос. Тот самый вопрос – будет ли папа жить *вместе с ними*.

Однако Кирюша не интересовался отцом, и Наталья по- думала, что если повезет, то все останется в прошлом, раз и навсегда...

– Еще тридцать секунд, мамочка! – услышала она голос сына откуда-то сверху. – Двадцать девять, двадцать восемь, двадцать семь...

Раздался писк ее смартфона. Наталья вынула его из су- мочки и окаменела: *звонил Алексей*. Нет, говорить с бывшим мужем она не желала, хотя какой он бывший: самый что ни на есть *настоящий*. Хотя бумаги на развод они уже подали, однако не в этом дело. И даже не в контроле над издатель- ским домом, в котором она до недавнего времени занимала одну из ключевых должностей. Теперь-то Алексей старается все представить так, как будто успех в издательском бизнесе – исключительно его заслуга. Но ведь он прекрасно знал: без нее у него ничего бы не вышло.

Но это, как и многое другое, было *давно и неправда*.

Нет, ее занимало только одно: *Кирюша!* И она сделает все,

чтобы Алексей не только не получил право опеки над сыном, но и ни разу больше его не увидел.

Такой отец Кириллу не нужен. Отныне у него была только мать – она сама – и никого более. Алексей был жесток к их сыну. *Очень жесток.* И этого она простить ему не могла. И никогда не простит. Собственно, это и стало причиной их расставания.

А также тот факт, что Алексей вдруг сблизился со своей бывшей. И, помимо этого, завел себе очередную молодую пассию.

– Ну? – Наталья все же приняла звонок, выйдя из холла на крыльцо. День был майский, погожий, прелестный, упоительный. Они с Кирюшей сначала наелись до отвала мороженого в его любимом кафе в столице, а потом отправились осматривать их новый дом. В квартире в Гранатном переулке, где они временно обитали на данный момент, они находиться дольше не могли.

Точнее, могли, но Наталья *не хотела* оставаться там. Потому что квартира принадлежала не ей, а Алексею. Он их оттуда не выселял, нет, ведь он сейчас корчил перед их совместными друзьями и знакомыми благородного дона, который готов на все, чтобы удовлетворить требования ушедшей от него жены и не затевать грязный бракоразводный процесс.

Но дело было не только в квартире и прочей недвижимости. И даже не в издательском доме, на совместное раздельное владение которым она будет претендовать – и это Алек-

сея, естественно, устраивать не могло по определению.

Дело было *в Кирюше*. Ребенку не требовался такой отец. А у Алексея был ключ от квартиры, теоретически он мог появиться там в любое время дня и ночи.

Поэтому им был нужен дом, новый дом: только для нее и для сына. *И ни для кого более.*

В следующем году Кирюше предстояло пойти в школу. А до следующего сентября... Он мог наслаждаться вольготной жизнью вместе с ней!

И в их маленьком мирке место было только для *двух* человек.

– Наташа, мне нужно с тобой поговорить... – услышала она голос супруга.

– Зато мне не нужно! – ответила она, однако класть трубку не стала. Ему определенно что-то от нее *требовалось*.

– Ты ведешь себя глупо, – продолжил супруг. – Ты ведь купила дом?

Наталя почувствовала, что ее сердце готово выскочить из груди. *Откуда?* Откуда Алексей узнал, что она купила дом? Отчего-то она подумала о пронырливом агенте по недвижимости, который ей не понравился с первого взгляда, не исключено, что тот сам позвонил Алексею и, желая оказать влиятельному человеку важную услугу, проинформировал его о том, что за сделку заключила его жена.

Пока еще жена.

– Молчишь? – продолжил супруг, голос которого, вначале вкрадчивый, стал обретать мощь. Она-то знала его повадки, его умение добиваться своего и, как он выражался, «работать» с многочисленными писателями, чьи книги выпускал их издательский дом.

– А ты, увы, *не* молчишь, – ответила ему в тон Наталья. – Так чего ты хочешь? Я ведь знаю, что тебе что-то нужно.

Настал черед мужа на несколько мгновений смолкнуть. Наталья тоже раздумывала. Да, он мог добиться своего – и, к примеру, *отобрать у нее Кирюшу*. Однако он был в курсе, что она готова идти до последнего ради ребенка.

– Почему вы так поспешно уехали? – произнес наконец супруг. – Ты ведь обещала мне, что я смогу видаться с Кирюшей...

Его голос дрогнул, но Наталья не позволила себя обмануть. Нет, верить этому монстру нельзя.

– После того, что произошло, это полностью исключено! – отчеканила она. – Радуйся, что я не заявила в полицию.

– Наташа, образумься!

Она расхохоталась:

– Образумиться? *Мне?* Может, тебе следует образумиться, Лешенька? И не смей мне угрожать!

– Я не угрожаю, Наташа! – Супруг был прав. Он не угрожал. Потому что понимал, что она могла записывать их телефонный разговор. Однако во время их последнего, крайне бурного разговора тет-а-тет он наговорил *таких вещей*, что

волосы становились дыбом.

И этого Наталья не забыла.

– В самом деле? – заметила она более чем холодно. – А у меня на этот счет сложилось совершенно иное мнение. И возвращаясь к твоему вопросу, Алексей... Я же в курсе, что ты за человек. Ты любишь все держать под своим неустанным контролем. Ты привык, что все пляшут под твою дудку. Но это осталось в прошлом. Мы с Кирюшей будем жить своей жизнью...

– Думаю, у тебя это не получится, Наташа... Могут возникнуть несколько весьма серьезных проблем...

Женщина очень пожалела о том, что не записывала телефонный разговор с мужем. Да, он, вне всяких сомнений, ей *угрожал*.

– Думаю, *и у тебя* может тоже возникнуть ряд проблем, Леша, – ответила она, тяжело дыша. – И ты это прекрасно знаешь...

– Успокойся, Наталья! – Тон мужа снова изменился, его голос теперь рассекал воздух, как хлыст. – Ты сама знаешь, что никаких шансов у тебя нет! Так что предлагаю пойти на мировую... Ты получишь... Получишь щедрые отступные... А взамен на это согласишься передать мне акции издательского дома. По хорошей цене...

Она так и знала, что Алексей рано или поздно поднимет этот вопрос. Ему требовалась власть, причем власть незыблемая и неделимая. А она, как назло, являлась владелицей

двадцати трех процентов акций. А с учетом того, что крупнейший конкурент их издательского дома вел с ними затяжную войну, желая подчинить его себе, Алексей не мог допустить, чтобы его жена, к примеру, продала пакет акций конкурентам.

– По *хорошей*? – переспросила Наталья, а муж, считая, что она начинает торговаться, зачастил:

– По *очень* хорошей! Получишь и кое-что из недвижимости, в России и за границей. Однако не совершай ошибки, не соглашайся на предложение Феликса...

Феликс был владельцем гиганта-конкурента: некогда вместе с Алексеем они затевали одно дело, потом рассорились и из друзей превратились в заклятых врагов.

– А что, если Феликс предложит *лучшую*? – сказала она. – И он это сделает, не так ли, Алеша! Однако... Однако я готова принять твоё предложение... Если ты только согласишься на то, чтобы оставить Кирилла со мной. Только со мной! *Раз и навсегда!*

– Наташа, ты понимаешь, что это невозможно... Мы уже говорили об этом... Я привел тебе аргументы, отчего...

– Ты оставишь меня и моего сына в покое, ты понял это? – прошипела женщина в телефонную трубку. – Иначе я соглашусь на предложение Феликса. Ведь он ко мне уже подкатывал, как ты наверняка и сам догадался...

– Наташа, не делай глупостей... Ты же согласилась с моими доводами... Потому что в противном случае мне при-

дется прибегнуть к жестким мерам. Не забывай, я ведь отец Кирилла...

– Ему не нужен такой отец! – крикнула Наталья. – И не смей мне больше звонить!

Она завершила звонок, и смартфон выскользнул у нее из рук, улетев с крыльца в высокую траву. Ей понадобилось какое-то время, чтобы отыскать его, однако она быстро обнаружила телефон, когда тот снова ожил: ей опять звонил Алексей.

Сбросив звонок и отключив телефон, Наталья запихнула его в сумочку и вернулась в дом. Ее поразила звенящая тишина в их новом жилище.

– Сынок! – крикнула она, однако ответа не последовало. Она еще раз позвала Кирилла, а потом вдруг вспомнила: ну конечно, он ведь играет с ней в прятки! И наверняка уже давно ждет, что она отправится на поиски. Вместо этого она опять портила себе нервы, ведя бессмысленную беседу с Алексеем.

Интересно, что он подразумевал под *жесткими мерами*, однако думать об этом не хотелось. В том, что Алексей был опасным человеком, и человеком, способным ради достижения собственных целей буквально на все, она убедилась уже давно.

Но сына она ему *не отдаст*.

– Кирюша! Я иду искать! – крикнула она и стала подни-

маться по лестнице. Сын *наверняка* спрятался где-то на втором этаже. Наталья заглянула в первую попавшуюся комнату и увидела выглядывавшую из-за покрытого пыльным чехлом дивана желтую кроссовку. Так и есть, долго мучиться не пришлось. Она осторожно подошла к дивану и, ухнув, обогнула его.

Однако сына там не было – только его правая желтая кроссовка, которую он, видимо, снял и специально подложил так, чтобы у нее создалась иллюзия того, что именно здесь он и прячется.

– Ну хорошо, Кирюша, один – ноль в твою пользу, – произнесла она громко, надеясь, что ее голос разносится по всему второму этажу. – Ты меня обманул! Но я тебя все равно найду!

Она оказалась в соседней комнате – и заметила другую желтую кроссовку, выглядывавшую из-под портьеры. Наталья с азартом откинула ее, позволяя лучам яркого солнца влиться в комнату сквозь мутные грязные окна.

На этот раз это была *левая* кроссовка сына, однако самого Кирилла за портьерой не было.

– Два – ноль! – сказала она, начиная ощущать беспокойство. – Я продолжаю тебя искать!

Она надеялась, что услышит, как это обычно бывало в подмосковном палаццо, сдавленный смех сына, затаившегося где-то неподалеку. Однако до нее не долетело ни звука. *Так куда же ребенок запропастился?*

Она побывала еще в двух комнатах, однако Кирилла там не было. В последней она обнаружила его бейсболку, опять же положенную так, чтобы сбить ее с толку, однако сына нигде не было.

Ну конечно, как она могла это *забыть*! Надо было начинать именно отсюда – с *его* комнаты! Точнее, с той комнаты, которую она первоначально хотела отвести ему под детскую, но потом передумала, и все из-за этого странного шкафа. Отчего-то он внушал ей... нет, не страх, а *трепет*.

Она подумала о детских страхах, о том, что малышня иногда считает, что в кладовке или шкафу притаился *бука*. Так зачем поселять сына в комнате с этим страшным шкафом, если она могла организовать из нее, скажем, гардеробную? А Кирюша займет комнату в противоположном конце коридора...

Наталья вступила в угловую комнату со шкафом. Она ведь читала кое-какие статьи в Интернете: этот особняк словно притягивал несчастья. Построен он был еще при Сталине, здесь кто-то умер от болезни, кто-то покончил с собой, кто-то кого-то убил... Причем последняя смерть случилась не так уж и давно, лет пять назад, и с тех пор дом пустовал.

Это объясняло то, отчего никто не хотел его покупать. Никто – *кроме нее*. Однако она не была суеверной, да и цена была подходящая: с учетом бурного прошлого и недавней трагедии.

А ей и Кирюше требовался новый дом – нет, не в столице,

а под Москвой. Однако ни в одном из этих гетто для «сильных мира сего»: в подобном месте они обитали еще несколько недель назад. Купить дом в подобном месте она не хотела – да и *не могла*. Они не бедствовали, несмотря на то что в издательском доме она более не работала. Однако у нее имелся пакет акций...

И все же причина заключалась *в ином*... Она страстно желала обрести свое гнездо, свой дом, который станет крепостью для нее и Кирюши. Только для них двоих.

Наталья заметила, как дверца шкафа, бывшая приоткрытой, вдруг при ее появлении тихо захлопнулась. Ага, значит, сын спрятался именно там!

– Не понимаю, куда же он делся... – пробормотала она намеренно громко, морща лоб. – Никак не приложу ума... Нигде Кирилла нет! Разве что... Разве что он *здесь*!

Быстрым шагом она подошла к шкафу, попыталась распахнуть его дверцы, однако они не поддавались. Наталья напрасно дергала их, с каждым мгновением ощущая, что тревога все возрастает. Потом она вдруг поняла, что дверцы шкафа закрыты на ключ – но как же так, она ведь видела, как дверца *мягко захлопнулась*, едва она зашла в комнату!

Или ее смысленый сыночек нашел возможность привести в действие дверной механизм, спрятавшись в шкафу?

Дрожащими руками она поспешно повернула массивный ключ – и дверцы наконец поддались. Она с силой распахнула их и провозгласила:

– Вот я тебя и нашла! Я победила!

Однако шкаф был пуст – там не было ни Кирюши, ни вообще никого. Только одна-единственная деревянная вешалка, мерно покачивавшаяся на металлической штанге.

Наталья, чувствуя, что у нее рябит перед глазами, шагнула в шкаф, желая удостовериться, что это не оптическая иллюзия и не галлюцинация. Да, шкаф был пуст, однако он *не имел права* быть пустым. Там *должен был* находиться Кирюша.

Но его там не было.

– Кирюша! *Сынок!* Ты где? Что с тобой случилось? – Она закричала, и из глаз хлынули слезы, Наталье в голову вдруг пришла простая и одновременно столь страшная мысль: *а что, если она никогда больше не найдет сына?*

Но что с ним могло приключиться? Неужели... Неужели он забился в такой уголок в этом доме, в котором его никто никогда не найдет?

Или... *Или кто-то пришел и забрал у нее Кирюшу?*

Рыдая, она выскочила из шкафа, попыталась сорвать со штанги раздражавшую ее деревянную вешалку, чтобы отшвырнуть ее в сторону. Но вешалка не поддавалась, потому что была прикреплена к штанге особым образом. И в этот момент стенка шкафа вдруг, закрипев, отошла в сторону. Наталья увидела зиявший перед ней черный провал.

– Кирюша? – спросила она сипло, вдруг подумав о том,

что ее сын мог оказаться там, в подземелье. Она хотела было шагнуть в черную дыру, однако стенка столь же внезапно, как и открылась, со скрежетом закрылась.

Наталья ударила по стенке – и до нее донесся легкий гул. Что, неужели она слышит голос сына? *Он звал ее!* Кирилл был там! Она должна попасть туда, в это... в это Зазеркалье...

Или, если уж быть точным, *зашкафье*.

Она принялась бить кулаками по стенке шкафа, за которой, как она теперь знала, скрывался проход неведь куда.

– Кирюша, сыночек...

– Мама, мамочка, что с тобой! – услышала она голос сына и вдруг поняла, что идет он не из-за внутренней стены шкафа, а *у нее из-за спины*. Неловко обернувшись, она увидела Кирилла, живого и невредимого, с испуганным выражением лица стоявшего позади нее.

– Мамочка, извини, я не хотел, чтобы ты плакала! Я был там... В кладовке... Извини, мамочка... Мамочка, не плачь, пожалуйста! Ты победила, ты!

Чувствуя себя полной дурой, Наталья прижала к себе сына и, покрывая его лицо поцелуями, заревела пуще прежнего.

– Мама, мамочка! Со мной все хорошо! И вообще, я был не один, а с мальчиком!

– С мальчиком? – восторженно Наталья, всматриваясь в безмятежное лицо сына. – Каким таким мальчиком?

Никакого мальчика в их доме быть, конечно же, не могло:

никакого, кроме ее Кирюши!

– В красной рубашке, с белыми волосами и синими-пре-синими глазами, мамочка! – пояснил Кирюша. А затем указал на пустой шкаф: – *Он оттуда вышел и туда же ушел*, когда услышал, что ты меня зовешь. А можно теперь поесть мороженого, мамочка?

– Ну и что там? – спросила нетерпеливо Наталья, не рискуя подходить к шкафу, в недрах которого зияло черное отверстие. Именно в этом отверстии исчез вызванный из фирмы молодой мастер.

Кирилл, который находился рядом, прижался еще плотнее к Наталье и произнес:

– Мамочка, а что, если дядя больше *никогда* не появится? Что, если шкаф его поглотил?

Тут в проеме возникла знакомая фигура, и из шкафа выпрыгнул опутанный паутиной мастер.

– Там лестница, каменная... Вниз ведет... И стена. Кладка кирпичная. Я так долго, потому что кирпич один, который уже расшатался, вытащить сумел. И посмотрел, что же за стеной. Не поверите, а там дверь металлическая... При чем на совесть сработано... Замок старинный, однако в идеальном состоянии... Вот, хотите взглянуть?

Он протянул ей свой мобильный, на который были запечатлены и узкая каменная лестница, и кирпичная стена с отверстием посередине, и – частично – спрятанная за ней ме-

таллическая дверь.

Наталья вернула ему мобильный, а восторженный Кирилл завопил:

– Мамочка, а можно я жить здесь буду? У меня появится свой подземный ход! Ну пожалуйста, мамочка!

Наталья качнула головой и заметила:

– Кирюша, мы об этом уже говорили. Нет, *здесь* ты жить не будешь...

– Мама, я хочу, хочу! – закричал мальчик. – Почему ты такая! Лишила меня папы, лишила меня моих друзей! И даже комнаты теперь лишила, которая мне так понравилась! Ты плохая, мама! Я от тебя уйду на Северный полюс!

Ребенок развернулся и направился к двери в коридор. Молодой работник, подмигнув Наталье, нагнал его и произнес:

– Ну, ты, приятель, не горячись. Вот узнаете, что там за дверью, может, мама и передумает. Тем более, сдастся мне, что это не единственный тайный ход, который в этом доме имеется. Похоже, они тут и в других местах есть...

Просияв, Кирюша тотчас забыл, что собирался уходить на Северный полюс, и завопил:

– Вот это да! И в той комнате, которая должна стать моей, тоже? А вы мне покажете, как ими пользоваться?

Он выбежал в коридор, а Наталья обеспокоенно посмотрела ему вслед. Мастер подмигнул ей и сказал:

– Ну, вы не беспокойтесь... Это я насчет других доступов к подземелью просто так сказал, хотя не исключаю, что это

так и есть. Похоже, шкаф для того и поставили, чтобы скрыть потайной ход. И открывается он, как вы это сами случайно установили, при помощи этой фальшивой вешалки. Точнее, она очень даже настоящая, но она соединена с механизмом, который приводит в действие заднюю панель шкафа. Хитро сработано. И, похоже, уже давно... Наверняка еще при строительстве дома. У вас архитектурные планы дома имеются?

Наталья качнула головой – архитектурных планов дома, выполненных тогда, когда он строился, конечно же, не осталось. В фирме по продаже недвижимости имелись новые планы, на которых не были обозначены ни вход в подполье, ни тайные ходы. Похоже, о них никто до настоящего времени не знал.

Или *кто-то* все же знал?

– Советую вам обратиться к архитекторам... ну, или к этим, как их кличут, диггерам... Тем, кто по бункерам и канализации шастают. Кстати, если хотите, могу осмотреть и другие шкафы...

– Да, пожалуйста... – Наталья посторонилась, пропуская работника в коридор.

– А можно я вам помогать буду? Я очень хорошо умею помогать, честное слово! – закричал Кирюша. – Знаете, там вон еще один шкаф стоит... Он такой большой и загадочный... А вдруг там за дверью сокровища?

Наталья проводила взглядом молодого человека, удалившегося вместе с Кирюшей в соседнюю комнату. Вся эта ис-

тория со шкафами была, и в этом сын прав, *загадочна*. И с *обитающим там* мальчиком в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами, которого Кирилл, конечно же, *выдумал*.

Теперь она понимала, почему ей казалось, что Кирилл тогда спрятался в шкафу, и дверь то открывалась, то закрывалась. Она должна была обратить на это внимание раньше. Из-за наличия тайного прохода в комнате и в самом шкафу был постоянный легкий сквозняк, ведь потоки воздуха проникали в щели между неплотно пригнанными пазами. И в результате этого дверь словно сама по себе то открывалась, то закрывалась.

У самых странных вещей объяснения в основном самые простые. Однако Наталья не могла отделаться от ощущения, что Кирилла не стоит подпускать к шкафу и уж точно к подземелью. И мастер прав – она обратится в фирму, занимающуюся подобными вещами, велит разобрать стену и вскрыть металлическую дверь.

Интересно, *что за ней?*

Телефонный звонок отвлек ее от тревожных мыслей. Увидев, кто звонит, Наталья не хотела было отвечать, но решила, что игнорировать этого человека не стоит.

– Да, Феликс! – произнесла она, и в ухе у нее раздался мягкий голос ее некогда ухажера и жениха, потом компаньона ее супруга, а затем заклятого врага их издательского дома – Феликса.

– Ага, в этот раз решила все-таки снизойти до меня, детка? – сказал он, и Наталью передернуло. А ведь когда-то она млела и от этого вкрадчивого голоса, и от столь любимого Феликсом обращения «детка».

Но опять же, это было *давно и неправда*.

– Решила, – в тон ему ответила Наталья. – Думаю, ты досаждаешь мне звонками, чтобы подвигнуть на продажу пакета акций нашего издательского дома?

Феликс рассмеялся:

– Что мне всегда в тебе нравилось, детка, так это твоя прямота. Впрочем, разреши напомнить, что издательский дом не твой, а Алексея. Ты разве не в курсе, что он рассказывает по всей Москве? Что это он тебя, бывшую медсестру, в люди вывел, из грязи поднял, а ты его предала и отплатила черной неблагодарностью...

– Это я от него ушла, если на то пошло... – сказала Наталья и поняла, что уже попалась на уловку Феликса. Ведь он намеренно настраивает ее против Алексея.

Не зная, что она и так настроена против него. Но значило ли это, что она теперь на стороне Феликса?

Нет, не значило. Она была только на своей стороне и Кирюшиной, и ни на чьей более.

– Ну, думаю, вся столица придерживается несколько иного мнения на этот счет, детка. И кстати, теперь на сайте нет никакого упоминания о тебе. Твое фото тоже убрали и оперативно стерли всю о тебе информацию. Как будто вы уже

больше и не в браке...

Интересно, Феликс все еще ее любит? Нет, такие, как Феликс, любят только себя. И если у него что и осталось за все эти годы, то только чувство злобы и ненависти, ведь она тогда предпочла ему Алексея!

Хотя, может, она совершила ошибку, отказавшись стать женой Феликса?

Впрочем, теперь это было уже все равно. *Хотя...* Хотя она ведь, кажется, любила Феликса. *И он ее тоже.* Не исключено, что любит до сих пор. Однако она быстро убедилась, что он бывает крайне жестоким. *Крайне.* Да и к тому же Алексей так настойчиво добивался ее тогда...

– Как будто вы и не в браке! – повторил он. – Ты слышала меня, детка?

Да, она его слышала, но причинять ей боль, как тогда, она Феликсу не позволит.

– Тебя это не касается, – отрезала она, – и лучше нам разрешить эту коллизию раз и навсегда: я не собираюсь продавать тебе пакет акций, ни сейчас, ни когда бы то ни было в будущем. Это понятно?

Она в самом деле не собиралась, хотя всерьез рассматривала эту возможность. Но ее и Алексея связывало многое, похоже, *слишком многое...*

– Ты ведь все еще его любишь, детка? – спросил ее Феликс. – Кстати, почему он тебя бросил? Что у вас там приключилось? Он нашел себе новую подругу?

– Это я его бросила! – крикнула в сердцах Наталья, вдруг понимая, что все-таки попалась на уловку Феликса. Он хотел вывести ее из равновесия – и вывел.

– Ты бы никогда его не бросила, детка, мне ли не знать. Так зачем тебе обманывать меня? Видимо, причина весомая... Ну, не хочешь и не говори, я ведь все равно докопаюсь до истины. Я ведь такой...

Да, он был *такой*. Наталья почувствовала, как ее начинает бить озноб.

– Но тогда хоть скажи – ты его еще любишь? А *меня*? Меня ты любишь?

Наталья, сжимая мобильный, выдавила из себя:

– Слишком много вопросов...

Феликс расхохотался и заявил:

– Так в жизни обычно и бывает: вопросов больше, чем ответов. Но до ответов на вопросы, которые имеют отношение к тебе и Алексею, я, как обещал, рано или поздно доберусь, и скорее всего рано, чем поздно. Ты ведь меня знаешь, детка...

Она его *знала*. И не сомневалась, что его слова – отнюдь не пустая угроза. *Но что же тогда делать?*

– У меня ведь есть верные мне люди... А они работают с учетом своих, особых принципов. И мало перед чем останавливаются, детка... Хотя нет, вру: они вообще ни перед чем не останавливаются!

Он расхохотался, весьма довольный своей сомнительной шуткой, а Наталья в беспокойстве вышла из комнаты в ко-

ридор – спускавшийся по лестнице мастер махнул ей рукой.

А где же Кирюша?

– Знаешь, детка, я ведь всегда придерживался в жизни точки зрения, что любого человека можно заставить сделать все, что угодно, весь вопрос только, *каким способом*. Вот возьмем, к примеру, тебя, детка. Ты обладаешь ключом, который позволит мне проникнуть в святая святых твоего супруга... Вы ведь *еще* супруги? Ты сама в курсе, что дела у вашего издательского дома идут не блестяще. А с новым хозяином, то есть со мной, все кардинально изменится!

Возможно, и это было ужаснее всего, Феликс был прав, однако Наталья не хотела и думать о том, что произойдет с ее детищем, с *их с Алексеем* детищем, если лапу на него наложит Феликс.

– И ты не хочешь отдавать мне этот ключ. Конечно, можно воспользоваться отмычкой, и раньше бы я так и сделал, однако со временем убедился, что не следует прибегать к окольным путям, если имеется центральная магистраль. В общем, мне надоело говорить всеми этими поэтическими метафорами, детка: или ты продаешь мне свой пакет акций, причем по сходной цене, или...

Наталья спускалась по лестнице вслед за мастером. Нет, интересно, куда же все-таки делся Кирюша? Он только что был здесь – *и вдруг исчез*.

– Или что? – спросила она, чувствуя, что тревога нарастает. Этот работник *вроде бы* вежливый приятный молодой

человек, он ведь увел из комнаты Кирюшу, пока она разговаривала по телефону.

И она *все еще* говорит по телефону...

Заслышав звук заводящегося мотора, она выскочила на крыльцо – и увидела работника, сидевшего за рулем небольшого белого фургона с веселой цветной эмблемой фирмы, в которой он трудился. Молодой человек, узрев Наталью, снова приветливо махнул ей рукой и дал задний ход, желая вернуться.

Кирюши на крыльце и около дома не было. Не было его и в автомобиле около молодого человека – и в голову Наталье пришла вдруг мысль о том, что, не исключено, Кирюша все же находится там, только в кузове фургона – одурманенный наркотиками и связанный липкой лентой по рукам и ногам...

– Или, детка, мне придется дать отмашку моим людям – и они тотчас задействуют свои методы для разрешения сложившейся проблемы. А они всегда получают то, что им требуется, точнее, то, что *мне* требуется. Потому что они забирают у человека, не желающего считаться с моей волей, *самое драгоценное*. А что у тебя самое драгоценное, детка?

Не прощаясь, он отключился. Прижимая к уху пищашую трубку, Наталья не знала, что делать – бросаться вслед за покидающим территорию загородного дома белым фургоном? Звонить в полицию? Обратиться за помощью к Алексею?

Выпуская клубы дыма, автомобиль покатился прочь. Наталья сбежала по ступенькам, намереваясь броситься за ав-

томобилем вслед, краем глаза увидела сворачивающий с их улицы другой фургон, темный – и вдруг услышала знакомый голос. Она бросилась за угол, в сторону заброшенного сада, и увидела Кирюшу, который, давясь от смеха, восседал на высоком бордюре подле треснувшего каменного вазона.

– Господи, вот ты где... – прошептала Наталья, прижимая к себе сына, а тот, пытаясь высвободиться от ее жарких объятий, закричал:

– Мамочка, мне больно!

Наталья отпустила его и вдруг поняла, насколько нелепы были ее страхи. Хотя так ли уж и *нелепы*? В отношении молодого мастера, вероятно, действительно смехотворны, более того, нелепы и даже оскорбительны, а вот что касается Феликса...

Он ведь обещал забрать у нее самое драгоценное. А ее самое дорогое сидело перед ней, вертело вихрастой головой и пыталось увернуться от поцелуя.

– А Саша еще приедет? – спросил мальчик, и Наталья не поняла, кого Кирюша имеет в виду. И только потом до нее дошло, что Александром, в самом деле, звали молодого мастера на все руки. Он ведь ей представлялся, однако имя тотчас вылетело у нее из головы.

– Он такой веселый! И вообще, мамочка, почему мы живем тут, как в тюрьме? Нас никто не посещает... Но даже в тюрьму навещаются близкие с передачками.

Наталья улыбнулась и попыталась снова поцеловать сына,

однако тот дернулся в сторону.

– И где ты только таких выражений набрался...

Кириша, заметивший на земле крупного зеленого, отличавшего бронзой жука, поддел его и пробормотал:

– Он научил...

– Саша? – нахмурилась Наталья. Нет, не следовало ей оставлять ребенка наедине с работником, пусть и столь приятным во всех отношениях. Потому что вся эта приятность и веселость может оказаться всего лишь маской. Под которой скрывается истинное, далеко не такое дружелюбное лицо.

Или в некоторых случаях *мурло монстра*.

А что, если этот Саша уже сидел? Хотя сколько ему лет, наверняка не больше двадцати пяти... Когда бы он успел. Но почему он тогда пичкает ребенка подобными тюремными фразочками? Или этот Саша всего лишь безобидный фанат шансона, хотя Наталья, предпочитавшая классику, была уверена, что безобидных фанатов шансона *в природе не существует*.

– Нет, не Саша, – ответил мальчик, отворачиваясь. – Он.

Наталья хотела было подойти к сыну, однако тот, отслеживая путь жука, который упорно полз куда-то вверх, проворно вскарабкался на каменный, заросший сорняками пьедестал, на котором возвышался треснувший вазон с остатками прошлогодних растений.

– Кто он, золотце? – спросила Наталья, чувствуя, что тревога, только что якобы ушедшая, начинает опять заполнять

ее сердце.

Кирюша, стоявший к ней спиной и с упоением наблюдавший за жуком, время от времени подгоняя его травинкой, произнес:

– Мамочка, *он*. Как его зовут, он мне не сказал, хотя я и спрашивал. Сказал, что скажет, когда настанет время. Я же тебе уже про него рассказывал, помнишь? Ну, мальчик с белыми волосами и синими-пресиними глазами... Тот, который тогда в шкаф пришел и в шкаф обратно ушел...

Наталья, поеживаясь то ли от внезапного дуновения ветра, то ли от страха, сишло произнесла:

– Но я думала...

И смолкла. Она ведь думала, что все эти истории про мальчика, которого Кирюша якобы видел в доме, их доме, сын просто *выдумал*.

– Знаю, мамочка, ты думала, что я все сочиняю. Я же видел тогда, что ты мне не поверила. А он время от времени приходит ко мне. Только он очень стеснительный и говорит, что он только мой друг и ничей больше. И он боится взрослых, потому что они плохо с ним обращались. Так он сказал. Поэтому он общается только с детьми, которые его не обижают. Хотя ведь дети иногда могут обидеть сильнее, чем взрослые, так ведь, мамочка?

Жук тем временем достиг края чаши и, то и дело срываясь и откатываясь назад, пытался перебраться на заполнявшую ее сухую землю. И почему жук так упорно стремился

туда, где его не ожидает *ничего хорошего*? У Натальи мелькнула идиотская мысль, что многие люди прямо как этот жук – куда-то ползут, сами не зная *зачем*, и достигают цели, сами не зная *какой*.

Многие, но только не она сама. *Или все же...*

Подойдя вплотную к стоявшему на каменном парапете мальчику, Наталья произнесла, изо всех сил стараясь, чтобы ее голос не напугал Кирюшу:

– И часто он тебя навещает, этот мальчик в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами?

– Ну, не то чтобы часто, мамочка... – Кирюша помог жуку, который никак не мог осилить непреодолимое для него препятствие, при помощи травинки. – *Иногда...* Просто у него нет друзей, и у меня тоже нет... Ты ведь увезла меня сюда, и все мои друзья остались в Москве... Ты мне даже с ними по телефону говорить не разрешаешь...

Наталья ощутила, как на глазах у нее выступили слезы. Да, она увезла Кирюшу, оторвала его от прежнего круга общения, потому что она не хотела, чтобы Алексей узнал, где они сейчас находятся.

Но он, похоже, уже знал, так что, выходит, она зря лишила Кирюшу друзей. И, не исключено, именно поэтому он выдумал себе несуществующего друга – мальчика в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами. *Мальчика, которого нет в природе.*

Однако она имела право так поступить, она пыталась убе-

речь сына от опасности — *своего* сына!

— И о чем вы говорите с... *с ним*? — спросила Наталья, чувствуя, что во рту у нее пересохло.

— О *разном*, — протянул Кирюша. — Только я не могу рассказать тебе, о чем именно. Я дал ему слово, что не расскажу о нем, а видишь, уже его нарушил. И он обидится. И разозлится. А когда он злится, то он... То он... То он становится очень странным! *Очень!*

Наталья обернулась, словно ожидая увидеть в глубине заброшенного сада мальчика в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами. Но никого она, конечно же, не заметила, потому что они были в саду одни.

Или все же нет?

— Но ты можешь мне сказать, сынок... Маме ты можешь сказать все. Тем более твоего друга сейчас нет, он нас не слышит...

Кирюша, повернувшись к ней, произнес:

— Он нас все равно слышит, мамочка... Он такой, он умеет. Он... Дело в том... Дело в том, что он не совсем обычный мальчик...

Чувствуя, что пульс у нее резко ускорился, Наталья прошептала:

— *Не совсем обычный?* Но что это значит? Он что, инвалид? Или сирота?

Кирюша взглянул на нее и ответил:

— Нет, просто этот мальчик...

А потом смолк, развернулся и крикнул:

– И так ведь всегда, мамочка! Ты всегда получаешь то, что хочешь! Он же запретил мне говорить о нем и о том, о чем мы с ним беседуем, а ты меня заставила это сделать. Ты плохая, мамочка, плохая!

Наталья, положив Кирюше руку на плечо, попыталась привлечь сына к себе и поцеловать, но он вырвался и, плача, закричал:

– Ты плохая, мамочка! Зачем я это тебе сказал? А если он больше никогда не придет, то я лишусь своего единственного друга?

Наталья увидела, как сын схватил жука, который полз по странно изогнутому, засохшему стеблю внутри чаши, бросил его на землю и раздавил. До нее донесся смачный, неприятный звук, как будто что-то лопнуло. Она поняла, что это был панцирь насекомого.

– Кирюша, сынок, что такое... – пролепетала она, а мальчик, рыдая, побежал прочь. Наталья устремилась за ним, а когда заворачивала за угол дома, отчего-то обернулась – и на мгновение ей показалось, что там, в глубине сада, застыла невысокая фигурка с белыми, как у альбиноса, волосами. Но когда она через мгновение снова взглянула в ту сторону, то ничего уже не увидела. Наверняка игра воображения, вызванная странными рассказами сына.

– Кирилл, стой! Стой, я тебе сказала! – крикнула она, выбегая с территории их участка на дорогу. Фигурка сына мель-

кала где-то впереди. Внезапно из-за угла вывернул допотопный «Мерседес», и мальчик едва не угодил под колеса.

Наталья бросилась к сыну, который, не шевелясь, лежал на дороге. Схватив его, Наталья ожидала увидеть все что угодно: море крови, переломанные кости, дергающиеся в конвульсиях губы.

Но Кирюша был цел и невредим и отделался лишь испугом. Плача на плече Натальи, он твердил:

– Мамочка, извини... Я не хотел...

Дверца «Мерседеса» поспешно раскрылась, из-за руля вылезла, опираясь на трость с золотым набалдашником, дама аристократической внешности.

– Ах, какой ужас! С вашим малышом, надеюсь, ничего не случилось? Вызвать «Скорую»? Мне так жаль, мне так жаль, но он появился столь внезапно...

– Нет, нет, с моим сыном все в полном порядке, – сказала в двадцать пятый раз Наталья, кляня себя за то, что приняла предложение соседки, которая на днях едва не переехала Кирюшу на своем ветхом «Мерседесе», и посетила ее особняк, располагавшийся рядом с их домом.

– Какой живой и прелестный мальчик! – заявила соседка, звавшаяся Аглаей Филипповной и являвшаяся вдовой некогда известного, а теперь напрочь забытого советского композитора.

Наталья автоматически посмотрела сквозь огромное па-

норманное окно, около которого они с хозяйкой восседали, поглощая крошечные разноцветные пирожные-безе и попивая крепчайший кофе.

Наталья наблюдала за Кирюшей, который носился по ровному, покрытому зеленой травой газону, играя с пожилой таксой, любимицей Аглаи Филипповны. Мальчик явно наслаждался игрой с животным, и Наталья уже знала, с какой просьбой он обратится к ней, когда они вернутся к себе: *завести щеночка!* И понимала, каким будет ее ответ.

– А почему бы вам, милая моя, не завести домашнее животное? Я могу посоветовать отличного заводчика... – произнесла соседка, пододвигая к Наталье фарфоровое блюдо с тающими во рту разноцветными финтифлюшками. – Вы берите, берите, я же вижу, что они вам нравятся. Я сама пекла, по старинному рецепту моей прабабушки, а та была родом из Парижа...

Покосившись на столь соблазнительные пирожные, Наталья вздохнула и налила себе еще кофе. Похоже, калорий она и так перебрала на неделю вперед.

– Вашему мальчику нужна компания, нужен друг, – заявила Аглая Филипповна. – Уж не обижайтесь, милая моя, что смею давать вам советы, но ведь это видно невооруженным глазом.

Соседка была права, однако Наталья не собиралась обсуждать с этой особой перипетии своей личной жизни. Вместо этого она попыталась вычислить, сколько же лет их сосед-

ке, которая сама была охоча до компании. Наверняка под восемьдесят, а она все еще лихо управлялась с «Мерседесом», оставшимся после отдавшего Богу душу еще в девяностые супруга. Наталья задумалась о том, есть ли у Аглаи *дети*, но спросить не решилась: знакомы они были всего ничего.

– Это, безусловно, так, однако обстоятельства принудили нас сменить прежнюю обстановку, – произнесла Наталья, понимая, что Аглая отдала бы свой раритетный «Мерседес» или, по крайней мере, фарфоровый сервиз за то, чтобы узнать, что же это такое за *обстоятельства*.

– Ах, у нас тут мирно и покойно! – произнесла наконец хозяйка, явно поняв, что больше информации из гостыи не выжмет. – Ведь в советские времена здесь, в этом идиллическом местечке, обитали деятели искусства и корифеи науки. А потом, когда настали *новые* времена, у нас появились *новые* соседи. Со временем этих новых стало больше, чем старых. На данный момент я одна из немногих старожилов...

Говорила Аглая с улыбкой, но Наталья заметила, что она явно не одобряет эти перемены.

– Кстати, дорогая моя, я хоть и сказала, что у нас тут мирно и покойно, однако забыла добавить, что так здесь было не всегда. Во всяком случае, *не везде*. Вам ведь говорили, что вы поселились далеко не в самом счастливом особняке? Он как будто притягивает к себе несчастья. Первый жилец, который принимал активное участие в строительстве всего нашего поселка, был известным советским детским фанта-

стом. Хотите верьте, хотите нет, но однажды он просто *исчез!* Словно растворился в своем особняке, хотя приходящая прислуга клялась и божилась, что он вечером поднялся к себе в кабинет, закрыл за собой дверь – и утром, когда после безуспешных попыток заставить его открыть дверь оную сломали, то в кабинете его не обнаружили. Только горящую еще с ночи лампу, гору свежего пепла в камине, а на письменном столе лист бумаги, на котором было выведено красными чернилами: «*Я ухожу туда, где меня никогда не найдут*». И ведь его никогда больше не нашли – ни живым, ни мертвым!

Наталья пожала плечами – эта история обсасывалась в Интернете со всех сторон, однако ее саму она оставила равнодушной. Кто сказал, что это вообще *правда*? Обычно все эти таинственные случаи всего лишь байки, и в действительности все было совершенно иначе. Фантаст в самом деле исчез в конце сороковых или самом начале пятидесятых, и никто не знал, что с ним случилось, но Наталья была уверена, что его исчезновению имеется самое тривиальное объяснение. Он мог сбежать с любовницей или *любовником*. Быть убитым мужем любовницы или женой любовника. Отправиться купаться ночью на близлежащую речку и утонуть. Принять решение совершить кругосветное путешествие пешком. Наконец, быть арестованным и увезенным в неизвестном направлении суровыми чекистами.

Да мало ли что...

Но многие были уверены, что его украли столь любимые им и фигурировавшие в его произведениях жители иных галактик, что он открыл проход в иное пространственно-временное измерение, что его поглотил ад.

– А как вы думаете, что с ним случилось? – спросила Наталья Аглаю, и та, усмехнувшись, отпила из чашечки и произнесла:

– Черт его знает, милочка! Причем в данном случае это следует понимать буквально: *черт его знает!*

Наталья взглянула на Кирюшу, который забавлялся с такой их странной соседки. Может, в самом деле купить ему собаку? Или хотя бы *морскую свинку*?

Аглая же, явно смакуя как кофе с пирожными, так и историю прошлых лет, продолжила:

– Следующий владелец, чин в Госплане, обитавший в особняке не более года, был арестован прямо там и увезен на Лубянку, а позднее расстрелян. Его преемник, снова представитель советской интеллигенции, а именно крупный литературный бюрократ Союза писателей, покончил с собой – уже при Хрущеве, не вынеся решения Двадцатого съезда. Он не выдумал ничего лучше, чем *повеситься в стенном шкафу!*

Наталья в ужасе подумала, не в том ли самом, в котором обнаружился вход в *зашкафье*? И откуда, по утверждению сына, регулярно выходит мальчик-призрак.

– Потом кто-то умер от флегмонозной ангины, и еще кто-

то молодой и несмышленный перерезал из-за несчастной любви вены в ванне. Мы живем тут с конца семидесятых, и перед тем, как мы въехали, в *этом* доме случилось несчастье с женой высокопоставленного военного, которую ревнивый супруг, несвоевременно вернувшись с учений где-то в Средней Азии, застукал в постели с местным киномехаником. Этому повезло больше всего, ему муж отстрелил то самое, на что была падка его неверная жена. А вот потом он застрелил и ее, после чего выстрелил себе в рот из табельного оружия. От головы, говорят, *ничего не осталось...*

Аглая хихикнула и жеманно отпила из чашки.

Наталья подумала, что и в этом нет ничего мистического. Во времена «чисток» хозяева менялись каждые несколько месяцев наверняка не только в этом особняке, но и в массе других. Что же до семейной трагедии в семье военного, подобное могло случиться и в гарнизонной квартире, и в общежитии, и в панельной «брежневке».

– И, наконец, апофеоз – убийство женой бизнесмена своего супруга уже в нынешние, капиталистические времена. Она не додумалась ни до чего лучше, чем размозжить ему голову молотком, а потом перетащить тушу своего ненаглядного в ванну и в течение нескольких дней разрезать труп при помощи столового ножа. И это, заметьте, *в самый разгар* аномально жаркого лета. Когда ее взяли, то дом был заполнен мириадами мух, а труп несчастного... Впрочем, опускаю неаппетитные подробности. Дама была признана невменяе-

мой, потому что утверждала, что в нее вселилась некая бесовская сущность, обитавшая в доме, и заставила совершить убийство. Она до сих пор сидит где-то в специализированном отделении одной из столичных психбольниц.

Наталья вздохнула и пристально посмотрела на Аглаю Филипповну.

– Разрешите поинтересоваться, зачем вы мне это все рассказываете? – спросила она. – О последней трагедии я отлично информирована, агент по продаже недвижимости ее от меня не утаил. Да и сложно утаить то, о чем в свое время сообщали все бульварные СМИ. История, как вы верно заметили, неаппетитная, однако смерть – *это часть жизни*.

Аглая поднялась и, опираясь на трость, подошла к панорамному окну.

– Ах, милая моя, вы неверно меня поняли! В мои задачи не входило вас запугать или, более того, подвигнуть к переезду. Я так рада, что по прошествии стольких лет кто-то наконец въехал в соседний особняк! Просто... Просто вы *хорошо все обдумали?*

– Что именно? – спросила Наталья.

Вдова композитора, указывая тростью в сторону резвившихся на газоне Кириюшу с таксой, ответила:

– То, что это не самое подходящее место для вашего сыночка. В этом доме произошло так много трагедий, так много смертей... Такое впечатление, что само зло поселилось там! Или, скорее, *изначально там обитало...*

Грузно опустившись в кресло, она подала Наталье фарфоровое блюдо и произнесла с милой улыбкой:

– Не обижайте меня, старую больную женщину, возьмите еще одно пирожное!

– Я не верю в некое абстрактное зло, обитающее в каком-то отдельно взятом доме, – произнесла Наталья, – как не верю вообще в *абстрактное* зло. Зло всегда персонифицировано.

Тут она подумала о шкафе, за которым находился тайный ход, о кирпичной стене и о двери и приняла решение – как можно быстрее нанять рабочих и приказать им разобрать стену и вскрыть дверь. Чтобы узнать, *что за ней скрывается*.

– А в вашем доме имеются потайные ходы? – спросила вдруг Наталья, и Аглая, сузив глаза, произнесла:

– О чем это вы, милочка? Какие такие *потайные ходы*?

Наталья продолжила:

– Говорят, этот фантаст, который активно тогда, в конце сороковых, участвовал в строительстве этого поселка для представителей советской интеллигенции, обожал такие вещи. У себя в доме я недавно обнаружила потайной ход, который, однако, привел к каменной стене и металлической двери. Поэтому и предположила, что нечто подобное имеется и в других домах тех лет, например, в вашем.

Аглая с мелодичным звяканьем поставила чашечку на блюдечко и заявила:

– Может, и имеются, но ни я, ни мой муж никогда на них

не наталкивались и ни о чем подобном и не подозревали!

Наталья отчего-то не поверила вдове композитора. Еще в холле она увидела массивный встроенный в стену шкаф, явно такой же, какой был в ее собственном доме. Разумеется, тот факт, что в ее особняке имелся тайный ход, не значил, что тайные ходы были и в прочих особняках, которые сохранились с тех пор. Однако вероятность такая все же существовала.

И особа, которая жила в одном из подобных домов уже пятый десяток лет, должна была быть в курсе всех секретов и тайн.

– Жаль, – протянула Наталья, – потому что мой Кирюша в восторге от подобных вещей. Ему наверняка это бы понравилось, он бы проводил все время в доме с тайными ходами.

Она уже поняла, что Аглая в восторге от визита ее сына. И теперь у соседки был шанс выложить правду и поведать о тайных ходах в своем доме, надеясь, что это привлечет Кирюшу и он станет проводить у нее как можно больше времени.

– Гм, нет, мне ничего не известно! – отчеканила старуха. – И вообще, я вам уже говорила, что для маленького мальчика это далеко не самое лучшее место обитания.

– Почему? – спросила Наталья, а вдова композитора сделала вид, что не расслышала вопроса, налила себе кофе и, взяв чашку, уставилась в панорамное окно.

Повторять вопрос Наталья не стала, решив, что не стоит

вести себя невежливо. Однако потом, повинувшись непонятному импульсу, она медленно произнесла:

– А дети? *Дети* среди жертв были?

Раздалось звяканье и скрежет – Аглая выронила из дрожащих морщинистых рук чашку, которая, расколовшись, лежала теперь на ковре.

– Мой сервиз! Мой драгоценный дрезденский сервиз! – запричитала старуха. – Он столько лет оставался целым, а теперь я разбила чашку!

Наталья, как могла, постаралась успокоить побледневшую и находившуюся на грани истерики хозяйку, она подняла с ковра чашку, принесла из кухни мокрую губку и попыталась оттереть светлый персидский ковер, на котором расплылось грязное кофейное пятно. При этом она не удержалась от того, чтобы не открыть стоявший в холле шкаф и не убедиться, что он забит завернутыми в целлофан и пропахшими нафталином шубами. Если задняя панель и скрывала вход в подполье, то обнаружить это в течение нескольких секунд, пока Наталья рассматривала содержимое шкафа, было невозможно.

– Благодарю вас, милая, благодарю! – заявила уже пришедшая в себя Аглая, напрочь отвергнув предложение вызвать «Скорую». – Я такая неловкая... Это был любимый сервиз моего супруга, все предметы которого были до сих пор целы. И вот нá тебе, я разбила одну чашку!

Она причитала и причитала, не давая Наталье вставить и

слова, как *будто*... Как будто боялась вопроса. Например, *того самого*, который Наталья задала ей до того, как старуха уронила чашку.

Приведя кое-как в порядок ковер (хотя полностью удалить пятно не представлялось возможным), Наталья поняла, что настало время прощаться.

– Вы ведь задали мне вопрос, – сказала внезапно Аглая, медленно вставая с кресла. – Нет, *с детьми*, слава богу, ничего такого не случилось, только со взрослыми. Увы, у нас с мужем не было детей, так уж получилось... Так что будьте уверены: наш поселок – идеальное место для вашего мальчика.

Наталья, сопровождая Аглаю в сад, подумала, что согласиться со старухой явно не может. Она не верила во все эти проклятия и ужасы старого особняка, тем более что особняк, в котором они обитали, быть может, и стал сценой для некоторых трагедий, однако таким уж старым явно не был: это не средневековый замок и даже не барская усадьба из тургеневского романа.

И вообще, все это пахло каким-то третьесортным фильмом ужасов: мать-одиночка въезжает в заброшенный дом, в котором обитает *зло*. У сына появляется выдуманный друг, которого никто, кроме него самого, не видит, и...

– Мамочка, мамочка, можно я еще поиграю! Ну пожалуйста! – закричал Кирюша, подкидывая небольшой мячик, за которым с тявканьем тотчас устремилась такса их соседки.

– Ах, пусть поиграет, милая моя! И моей Гертрудочке движение на пользу, а то она день-деньской дрыхнет около моего кресла.

Гертрудочкой звалась полнотелая, но, как выяснилось, обожавшая гоняться за мячом пожилая такса.

Наталья кивнула. Что же, если отбросить то, что *она не мать-одиночка*, потому что на заднем плане имеется еще и *отец*, то в остальном все сходилось. У ее сына появился воображаемый друг, которого никто, кроме него самого, не видел. Точнее, она не видела, но ведь Кирюша уверял, что безымянный друг существует и что он просто очень застенчивый.

И разве не видела она тогда мельком в саду фигуру ребенка с белыми волосами?

Нет, не видела, это была секундная галлюцинация под воздействием рассказа ее сына. Наталья в этом не сомневалась. *Или...*

Или в их доме в самом деле обитало *зло*? Но почему сразу зло, ведь этот мальчик мог быть очень даже *добрым*.

Если он вообще существовал, а в этом Наталья очень и очень сомневалась. И вообще, она ведь сама придерживалась точки зрения, что наиболее таинственные явления имеют самое простое объяснение. А если Кирюша общался с каким-то мальчиком, и даже она сама была уверена, что *видела* его в саду, то это значило...

– Скажите, а в поселке есть дети? – осторожно спросила

она, глядя на Аглаю. Они уже вернулись в гостиную.

– Ну, не так много, как хотелось бы... Тем более я хоть и старожил, но учета местным жителям не веду. За последние годы здесь столько изменилось: старые дома были снесены, на их месте возникли эти огромные роскошные хибары.

Наталья едва сдержалась, чтобы не заметить, что это *не является ответом на ее вопрос*, однако сдержалась, потому что это было бы явной грубостью в отношении их хоть и эксцентричной, но неплохой в целом соседки.

– Понимаете, моя дорогая, в основном здесь селятся люди пожилые и солидные. Ну, или доживают свой век те, у кого детей нет или о ком дети и внуки забыли. Семейные пары с деньгами предпочитают иные места, но не наш поселок. Хотя, кажется, там, в районе новых вилл, по ту сторону пруда, имеются дети, но сюда они не заглядывают.

У Натальи вертелся на языке вопрос, нет ли среди этих детей мальчика с белыми волосами и синими-пресиними глазами, однако она не знала, следует ли его задать или нет.

– А вот мальчик в красной рубашке, с белыми волосами, ну, как у альбиноса, и с синими-пресиними глазами, – начала она и вдруг услышала тихий вздох, сопровождающийся падением чего-то массивного. Обернувшись, Наталья увидела их соседку, лежавшую на ковре.

Только этого не хватало! Судя по ее синюшным губам, у Аглаи приключился сердечный приступ. Наталья, вынув мобильный, оперативно вызвала «Скорую помощь», а потом

взглянула через панорамное окно на газон, по которому носился Кирюша с таксой Гертрудочкой. Сына беспокоить не стоило, он все равно ничем помочь не сможет, будет только вертеться под ногами.

Ведь до того, как она встретилась с Алексеем и занялась издательским бизнесом, она получила среднее медицинское образование и даже работала в роддоме. Наталья надеялась, что не растеряла навыки, которые требовались ей теперь, и склонилась над переставшей дышать Аглаей.

Она рванула ворот узкой блузки, по всей комнате разлетелись горошины жемчужного ожерелья. Обнажилась покрытая пигментными пятнами морщинистая старческая грудь, бледно-лиловое исподнее и тяжелый золотой медальон. Наталья сорвала его с груди, отшвырнула в сторону и, взглянув на фиолетовые губы Аглаи, рванула блузку еще раз. Срочно требовался непрямой массаж сердца, и, глубоко вздохнув, Наталья отсчитала до трех.

– ...что в итоге, без сомнения, спасло ей жизнь, – завершил свой краткий монолог бородатый парамедик, а Наталья, уставившись на каталку, на которой вывезли подключенную к капельнице Аглаю, только кивнула. Она и сама знала, что ее слаженные действия вытащили вдову композитора с того света. «Скорая» плутала, так что ей пришлось в течение почти получаса реанимировать Аглаю.

– Кажется, я ей нечаянно ребро сломала, – заметила без-

участно Наталья, а парамедик положил ей на плечо руку.

– Вы спасли старушенции *жизнь*. Далеко не каждый на вашем месте смог бы оказать столь квалифицированную помощь, к тому же продержаться в течение такого времени.

– Она ведь будет жить? – спросила Наталья, а бородач, застегивая чемоданчик, заявил:

– Во всяком случае, мы приложим все усилия. Но если бы не вы, то мы бы увозили уже труп. Вы молодец! Кстати, надо кое-какие документы заполнить. Вы ей кто, *внучка*?

Когда все формальности были улажены и «Скорая» увезла Аглаю в столичную больницу, Наталья осмотрелась. Она ведь осталась в пустом чужом доме, а поговорить с соседкой у нее возможности не было – та хоть и пришла в сознание после того, как прибывшие парамедики сделали инъекции и посадили ее на капельницу, однако мало что понимала и ничего путного сказать не могла.

– Мамочка, а если наша соседка умерла, то можно мы теперь возьмем к себе Гертруду? – спросил Кирюша, который, привлеченный появлением «Скорой», был в восторге от суматохи.

– Она *не умерла!* – заявила Наталья, однако подумала, что не знает, что делать, если Аглая действительно умрет. Детей ведь у нее, по собственным ее словам, не было, а вот имелись ли какие-либо иные родственники, хоть и дальние? Потому что, сама того не желая, она вдруг осталась в соседском особняке.

Наталья подумала, что если на то пошло, то она может безнаказанно прошерстить его и узнать, имеются ли в нем подземные ходы или нет. *Нет, и о чем она только размышляет!..*

– Мамочка, Гертрудочка хочет кушать! – заявил Кирюша, устремляясь за таксой на кухню. – А мы ее с собой возьмем, так ведь? Тут оставить мы ее не можем, ей нужна компания...

Наталья последовала за сыном на кухню, еще не решив, что делать и как поступить. Копошиться в чужих вещах, пользуясь тем, что хозяйка после клинической смерти лежит в реанимации, было верхом подлости.

И неожиданным подарком судьбы.

Внезапно женщина чуть было не споткнулась, так как наступила на что-то твердое и маленькое. Нагнувшись, она увидела на ковре перед собой овальный золотой медальон, тот самый, который, делая Аглае Филипповне массаж сердца, она сорвала с ее шеи и отшвырнула куда-то в сторону.

– Мамочка, посмотри, как Гертрудочка уминает! Она так напрыгалась! Какая она все же прелесть, мамочка!

Наталья провела пальцами по золотой матовой поверхности медальона. Наверняка подарок покойного супруга или, не исключено, воспоминание о давно умерших родителях. *Или...*

Совать нос в чужие тайны Наталья не любила, однако она отчего-то не сомневалась: Аглая знает намного больше, чем

говорит. Только вот *о чем*, собственно? Это ей и предстояло выяснить.

Наталья раскрыла крышку медальона и взглянула на цветную фотографию – поблекшую, сделанную явно много лет, вернее, даже десятилетий, назад, на которой был запечатлен мальчик лет пяти-шести. Улыбающийся, с ямочками на щеках, в красной рубашке. *И с белыми, как у альбиноса, волосами и синими-пресиними глазами.*

Наталья отшатнулась в сторону, заметив, что к ней направляется особа средних лет, державшая на поводке явно перекормленного черного французского бульдога. И особу, и бульдога она уже неоднократно видела на их улице, однако в разговоры не вступала и даже не здоровалась.

– Ах, и как дела у нашей дорогой Аглаи Филипповны? – услышала она воркующий голос дамы, явно желавшей получить последние известия. – Говорят, она чуть не скончалась. У нее в самом деле клиническая смерть была?

– Врут! – отрезала Наталья, хотя это была чистая правда. Однако по какой-то причине ей не хотелось, чтобы эта особа, выглядевшая как заправская провинциальная сплетница, узнала правду.

Бульдог, заворчав, уткнулся в ногу Натальи и вдруг лизнул ее своим широким малиновым языком. Наталья отодвинулась вбок.

– Ах, неужели врут? – изумилась ошарашенная сплетни-

ца. – А я думала, что у меня сведения из надежного источника. Мой Гамлет так обожает Гертрудочку. Кстати, кто за ней сейчас присматривает?

Игнорируя вопрос (а ответ был прост: со вчерашнего дня такса жила в особняке Натальи), женщина произнесла:

– Ну, с литературоведческой точки зрения понятно, отчето ваш Гамлет обожает Гертрудочку. Хотя инцеста я бы на вашем месте не допускала. Как-никак она ведь *его мать*.

– Да что вы? – замахала руками ничего не понимающая особа. – Как так можно!

Наталья усмехнулась: о Гамлете, принце датском и его матери, королеве Гертруде, спутавшейся с дядей Гамлета, Клавдием, особа, похоже, и слыхом не слыхивала. Интересно, *в честь кого она тогда назвала своего бульдога?*

Сам объект споров, и не подозревая о разгоревшейся словесной баталии, снова приблизился к ноге Натальи и опять лизнул ее. Что такое, неужели вскорости все псины этого подмосковного поселка поселятся у нее дома? Наталья уставилась на все еще пребывавшую в прострации хозяйку бульдога и радостно произнесла:

– Раз, два... Меркурий во втором доме... Луна ушла... шесть – несчастье... вечер – семь... – И добавила: – Опасайтесь инфаркта. Ну, или того, что *вам отрежут голову*.

– Кто? – выдохнула сплетница, видимо снова не подозревая, о каком литературном произведении на этот раз идет речь – и что речь вообще идет *об оном*.

— Ну, тут я не позволю себе отклониться от вердикта классика: *комсомолка!* — добавила с еще более широкой улыбкой Наталья, и тетка, издав сдавленный стон, отвалила куда-то в сторону, увлекая за собой меланхолично смотревшего на Наталью и снова пытавшегося облизнуть ее конечность бульдога Гамлета.

Довольная тем, что от назойливой собеседницы удалось избавиться, не прибегая к стандартным трюкам и лжи, Наталья тихонько рассмеялась. Она и представлять не желала, *какие* слухи скоро пойдут по поселку о новой соседке. Что же, по крайней мере, приставать не будут.

— А классиков, хотя бы мировых, знать надо всем! — добавила Наталья, осмотревшись по сторонам. Особа с бульдогом исчезла, улица была пуста, и это было на руку. А не послать ли этой не в меру любопытной мадам, к примеру, «Золотую дюжину» — антологию классических шедевров, выпущенную их издательством? «Гамлет» там точно был, и Наталья постаралась припомнить, входил ли в число шедевров роман «Мастер и Маргарита». Однако шутка зашла слишком далеко.

Да и издательство уже перестало быть *их*. То есть Алексея и ее. Точнее, конечно же, она все еще являлась владелицей пакета акций, однако весь вопрос заключался в том: *хотела* ли она оставаться ею и в дальнейшем?

Окончательного решения она не приняла. На бегство из Москвы и расставание с Алексеем имелись более чем веские

причины, и изменить уже ничего было нельзя. И, что важнее всего, она *не собиралась* ничего менять.

А вот что собирался делать Алексей? Этого она, естественно, со стопроцентной уверенностью знать не могла. Однако, покуда у нее в руках пакет акций, никаких необдуманных, более того, резких шагов он не предпримет. Ее доля в издательском бизнесе была гарантией ее свободы – и, не исключено, жизни. *Ее и Кирюши.*

Или она *ошибалась*?

Но ей так хотелось забыть всю катавасию с Алексеем и в особенности причины их расставания, хотя это было невозможно. Ну, если не навсегда, так хотя бы на время. Наверное, именно по этой причине она и решила заняться исследованием.

Только исследованием *чего*? Потому что не было ни трупа, ни преступления, ни чего-либо другого в этом роде. Имелся старый золотой медальон с фотографией, сделанной лет пятьдесят, *если не больше*, назад, а также сумбурный рассказ Кирюши о том, что его посещает никем другим не видимый друг, как две капли воды похожий на этого мальчика, чье фото вставлено в медальон пожилой соседки, находящейся в больнице.

Более того, Наталья не сомневалась: своего друга сын выдумал, соответственно, воспринимать его слова всерьез было нельзя. Но почему... Почему тогда он выбрал именно внешность мальчика, чье изображение носила на груди Аг-

лая Филипповна?

И вообще, разве она не утверждала, что им с ее мужем Бог детей не дал? Однако у нее мог иметься не родной, а усыновленный ребенок, или племянник, или младший брат...

Только что это *значило*? Что Кирюша каким-то образом увидел фотографию до их совместного посещения Аглаи и решил затем использовать, надо признать, запоминающийся образ мальчика для создания образа своего несуществующего друга.

А не слишком ли во многом она подозревает своего пятилетнего сына? Кирюша, конечно, был смысленным ребенком, однако отнюдь не гением. И, несмотря на склонность к фантазиям, не заправским вралем. Он бы мог заявить один раз, что у него имеется друг или что он встречался со странным мальчиком, однако вряд ли бы стал говорить об этом постоянно, день за днем, *изобретая* все новые подробности встреч и занятные детали. Все же хроническим лжецом или ребенком с воспаленным воображением Кирюша явно не был.

Наталья попыталась осторожно выяснить, не бывал ли он у Аглаи в гостях до их визита, однако ничего добиться не могла – ребенок твердил, что увидел пожилую даму в первый раз в тот момент, когда она едва не переехала его на «Мерседесе» своего покойного мужа-композитора. То есть вероятность того, что Кирюша виделся с ней где-то раньше, была ничтожно мала.

Да и где они могли видаться ранее, если она с сыном без-

вылазно сидела все дни до этого в их новом прибежище? И даже если бы, предположим, Кирилл выходил за пределы их особняка и умудрился натолкнуться на Аглаю, о чем сейчас предпочитал не распространяться, хотя причин у него для этого не было, то вряд ли бы вдова композитора стала первым делом снимать со своей морщинистой шеи золотой медальон и совать пятилетнему ребенку под нос изображение мальчика, который, если он сейчас и был еще жив, являлся мужчиной, причем, вероятно, даже пожилым.

Если...

Информацию на этот счет могла бы дать сама Аглая, и Наталья была уверена, что выжала бы из соседки-старухи правду, однако ту увезли в одну из столичных клиник, где к тому же – об этом Наталья узнала по телефону – та снова впала в кому. То есть если бы она даже и съездила в Москву, чего ей делать очень не хотелось, встретиться с Аглаей и задать ей пару-тройку вопросов она бы не смогла: соседка была элементарно не в состоянии на них отвечать.

Хуже всего было то, что соседка, с учетом своего возраста и тяжести поразившего ее недуга, может и вовсе не оклематься и так никогда и не выйти из комы – и в итоге умереть.

Конечно, существовала вероятность того, что Кирюша видел запоминающийся образ мальчика где-то в ином месте или что он даже *совершенно случайно*, выдумывая внешность своего несуществующего друга, наделил его красной рубашкой, белыми волосами и синими-пресиними глазами.

Сбрасывать со счетов случайность – этому Наталью научила жизнь – никогда нельзя.

Однако она все больше сомневалась, что друг сына был выдуманным. Но если не выдуманный, то, выходит, вполне *реальный*? И встречающийся с Кирюшей в любое время дня и ночи в разных местах то у них дома, то в саду.

Что же это за мальчик такой *аномальный*?!

Нет, она в который раз заставила себя мыслить рационально. Наверняка у всего имеется какое-то простое, но до сих пор не учтенное ею объяснение. Только вот *какое*? Что где-то имеется маленький мальчик, который может в любое время суток, *выходя из стенного шкафа*, беспрепятственно проникать на территорию их дома и вести тревожащие беседы с ее сыном?

И это был, надо признать, наиболее *благоприятный* вариант.

Потому что если мальчик является выдуманным, то это означает, что Кирюша отчего-то решил заделаться заправским лжецом. Или, что еще хуже, это может указывать на начинающееся или, кто знает, уже вошедшее в активную фазу заболевание, симптомами которого являются галлюцинации.

Думать о таком даже не хотелось, однако приходилось.

И все же Наталья верила, точнее, хотела верить, что дело тут в чем-то ином. И понимала, что разгадка кроется и в самой личности находившейся в искусственной коме соседки,

и в ее прошлом. Ну, или, кто знает, *настоящем*.

И грех было не воспользоваться подвернувшейся возможностью и не проникнуть в стоявший пустым дом Аглаи, благо у нее теперь имелись от него ключи: она обнаружила их на трюмо в холле соседского дома уже после того, как вдову композитора увезли в больницу.

Это значило, что она могла проникнуть в дом и, пользуясь отсутствием хозяйки, осмотреться. Нет, упаси боже, ничего тырить она не намеревалась, ей это не требовалось, и даже медальон она собиралась вернуть, однако для себя решила, что глупо класть его, скажем, на трюмо, а лучше отдать при личной встрече самой Аглае. А так как встретиться с той пока что было невозможно, Наталья имела полное право оставить эту ценную вещь до поры себе. Разумеется, исключительно *на хранение*.

Наталья знала, что прикладывает все усилия для того, чтобы убедить себя в правоте своих действий, вообще-то подпадавших наверняка не под одну, а даже сразу под несколько статей Уголовного кодекса. Однако она была уверена, что имеет полное право так поступить, потому что именно своими слаженными действиями спасла жизнь Аглае. И та была ее должницей. А долги тем и хороши, что их надо платить.

Хотя, наверное, не *все*...

Как бы там ни было, Наталья приняла решение: она проникнет в особняк Аглаи и попытается найти информацию о мальчике, чье фото старуха носила у самого сердца. А также

узнает, имеются ли в соседском доме шкафы с доступами к секретным ходам.

Ей претило оставлять Кирюшу одного дома, однако ничего иного сделать она не могла. Доверять его прочим незнакомым соседям наподобие дамы с черным бульдогом она, конечно, не собиралась, а звонить в фирму и нанимать какую-то вертихвостку в качестве гувернантки на час она считала глупым. Тем более никто не гарантировал, что Алексей – или Феликс – не подошлют ей, пользуясь связями, *своего* человечка.

Ее радовало, что сын в лице таксы Гертрудочки нашел себе не воображаемого, а самого что ни на есть реального друга, вернее, четвероногую подругу. Такса, конечно, не овчарка и не бультерьер, однако лучше многих бебиситтеров. Поэтому, удостоверившись, что Кирюша забавляется с Гертрудочкой в саду, она предупредила его, что ей надо отлучиться на часок по делам, и, заперев ворота, быстро перешла дорогу и отправилась к особняку Аглаи.

В особняке пахло, как и накануне, старомодными тяжелыми духами, многолетней пылью и старостью. Наталья дала себе слово, что, когда придет ее время состариться, в ее доме так пахнуть не будет.

Только где вот будет ее дом?

Она распахнула дверцы платяного шкафа, стоявшего в холле, и, вытащив несколько упакованных в целлофан шуб,

принялась внимательно изучать заднюю стенку. Простучав ее, Наталья пришла к выводу, что пустоты за ней нет, но для верности стала дергать боковые вешалки. Панель и не думала отодвигаться.

Что же, быть может, она напрасно подозревала Аглаю и та говорила чистую правду, заявляя, что ни она сама, ни ее супруг-композитор, ныне покойный, ничего не знали о подземных ходах.

Так-то оно так, но Наталье вспомнилась фраза, которую на этот счет обронила соседка. Да, можно жить в доме, не подозревая, что в нем имеются подземные ходы и шкафы, стенки которых служат доступом к оным. Однако вдова заявила, что в ее доме подземные ходов *нет!* Откуда она могла это знать – она что, искала их у себя и не нашла? Или точно знала, что их там нет? Или элементарно водила ее за нос, не желая делиться правдивой информацией.

Наталья поднялась на второй этаж и зашла в одну из комнат – по всей видимости, это был кабинет покойного композитора, о чем свидетельствовал большой черный рояль, на котором стояла партитура, а также располагавшийся в смежном помещении огромный письменный стол, на котором в художественном беспорядке лежали листы нотной бумаги, покрытые малопонятными письменами. Похоже, Аглая превратила рабочие помещения своего супруга в некое подобие частного музея, оставив все таким, каким это было, не исключено, в день его кончины. Ну, или, что тоже не исключе-

но, многое приукрасив.

Люди, Наталья знала это точно, любят приукрашивать обыденную действительность.

Закрыв дверь в кабинет покойного композитора, Наталья прошла в соседнюю комнату – и оказалась в будуаре хозяйки. Ее поразила большая, с балдахином кровать, писанный маслом портрет почившего в бозе супруга, а также небольшая галерея изображений такс (другие породы собак Аглая, похоже, изначально не признавала), которые, как поняла Наталья, когда-то скрашивали досуг соседки.

Однако искала она иное – к примеру, фотографию или портрет мальчика в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами. Однако таковых в будуаре Аглаи не отыскалось. Чувствуя себя грабительницей, Наталья раскрыла ящики старинного секретера, решив, что если уж проникла в чужой дом, то нечего напускать на себя излишнюю скромность.

Она быстро поняла, что Аглая Филипповна – женщина более чем состоятельная. Однако тратила она немного и более всего корреспондировала с любителями такс со всей России, а также ближнего и даже дальнего зарубежья.

В небольшой комнатке, в которую вошла Наталья затем, она заметила выцветший ковер, на котором лежал явно старинный деревянный паровозик. *Зачем он старухе?* Наталья поразилась тому, что ничего больше в комнате не было. Помещение, как и кабинет покойного супруга, походило на му-

зей.

В расположенной рядом ванной не нашлось ничего занятого, разве что Наталья подивилась выбору плитки (розово-сиреневая) и большому количеству флаконов с этикетками и без. Неужели это все лекарства, которые принимала Аглая? Для одного человека их было уж слишком много.

На тумбочке в ванной стояла большая круглая железная коробка, заполненная разноцветными драже. Наталья взяла несколько и, сунув в рот, задумалась. Ничего стоящего найти так и не удалось. Она приуныла, а потом вдруг заметила в стене будуара тонкую щель. Так и есть, *ложная стенка!* Толкнув ее, она оказалась в помещении без окон. В дальнюю стену был встроен большой черный *шкаф*.

Наталья возликовала и бросилась к нему – и, повернув ключ, который торчал в замке, распахнула дверцы. Она решила было, что снова узрит многочисленные ряды древних шуб, но вместо этого вздрогнула, увидев, что в шкафу ничего нет, кроме приютившейся в углу *деревянной вешалки*.

Стараясь унять сердцебиение, Наталья осторожно отвела ее в сторону – и деревянная панель шкафа, являвшаяся одновременно его стенкой, бесшумно отошла в сторону.

Что же, она нашла то, что искала. Но вот что, собственно, *искала?* Хотя бы доказательство того, что Аглая элементарно лгала, когда заявляла, что, во-первых, в ее доме нет тайных ходов, а во-вторых, что она ничего о них не знает.

Ходы были, и она о них была прекрасно осведомлена.

Иначе зачем бы разместила пустой шкаф в непосредственной близости от своего будуара – с доступом к шкафу *только оттуда*?

Наталья заглянула в зиявшее перед ней черное отверстие, ощутила движение холодного воздуха и подумала, что неплохо бы узнать, что же располагается там, внизу, куда уводили каменные ступеньки, идентичные тем, что имелись и в ее аналогичном шкафу.

Тоже кирпичная стена, а за ней металлическая дверь? Или что-то иное?

Она не зря прихватила с собой фонарик. Женщина вздохнула и всмотрелась в разверзшуюся перед ней темноту. Нет, страшно не было, однако было как-то не по себе.

Она вынула из висевшего на спине рюкзака фонарик, намереваясь включить его – и вдруг услышала *звук шагов*. Он доносился снизу, *из зашкафья*.

Наталья на мгновение замерла, решив, что у нее слуховая галлюцинация, а потом поняла, что звуки шагов с каждым мгновением становятся все более явными. Тот, кто поднимался по лестнице откуда-то из подzemелья, должен был вот-вот оказаться около задней панели шкафа.

Ощущая, что ее всю трясет, Наталья внезапно вспотевшими руками дернула вешалку, в результате чего задняя стенка закрыла проем. Женщина осторожно прикрыла дверцы и выбежала в будуар.

Что же делать?

То, что по лестнице из подземелья поднималась не Аглая, было очевидно. Но тогда *кто*? Видимо, тот, кто знал о существовании подземной системы ходов и умел ею пользоваться.

И, видимо, имел представление о том, что в доме Аглаи сейчас, по крайней мере чисто теоретически, никого быть не должно.

И кто сказал, что тот, кто вот-вот собирался проникнуть со стороны подземелья через шкаф в гардеробную Аглаи, пришел сюда с добрыми намерениями? И что он будет рад видеть любопытную соседку.

Вот именно, *никто не сказал*.

Времени на размышления почти не было, потому что Наталья слышала скрип растворяемой изнутри дверцы шкафа. Обернувшись, она шмыгнула в ванную и залезла в купель, успев кое-как задвинуть занавеску и присесть.

Время тянулось невыносимо долго. До Аглаи донеслись осторожные шаги, звук выдвигаемого ящика, шелест бумаг. Тот, кто пришел из подземелья в дом вдовы композитора, явно знал, что искать.

Затем скрипнула дверь, и Наталья заметила силуэт, проскользнувший мимо душевой занавески с изображениями маяков и ракушек. Судя по звукам, некто что-то вытаскивал и жадно *поедал*. Неужели разноцветные драже из круглой жестянки? Так продолжалось недолго, и Наталья, стараясь даже не дышать, затаилась, опасаясь, что незванный гость внезапно распахнет занавеску – и...

И как в знаменитой сцене из «Психоза» Хичкока, станет наносить ей одно за другим ранения при помощи остро заточенного ножа? Интересно, а характерная жуткая надрывная музыка при этом в ванной играть будет?

Наталья хрюкнула, стараясь подавить истерический смешок, и тот, кто копошился в ванной, вдруг замер. Прошелся по помещению. Остановился около занавески. А потом осторожно вышел вон, притворив за собой дверь.

Женщина продолжала, скрючившись, сидеть в ванне, не чувствуя под собой ног. Она потеряла счет времени, все еще не веря в то, что тот, кто только что был на расстоянии вытянутой руки от нее и вполне мог не только обнаружить ее, но и сделать с ней *все, что угодно*, удалился. А вдруг этот некто просто выжидал, затаившись в будуаре?

Господи, Кирюша! Страхам Натальи положила конец мысль о том, что сыну-то она сказала, что будет отсутствовать не больше часа. А сколько она уже торчала в не самой, надо признаться, чистой ванне чужого особняка?

Наталья выбралась из ванны, зацепившись при этом за занавеску и едва не полетев на пол. Шум стоял знатный. Тот, кто ее караулил, давно бы мог ворваться и ликвидировать ее. И тут Наталья подумала, что этот некто, возможно, испытал не меньший ужас, чем она сама, поняв, что в доме, куда он проник, *кто-то находится*.

Пересиливая себя, Наталья осмотрелась и убедилась в том, что жестянка с разноцветными драже, которую она не

так давно лицезрела, в самом деле испарилась.

Выходить из ванной в будуар было боязно. Однако дольше оттягивать этот момент она не имела права, у нее ведь остался без присмотра пятилетний сын! Она рванула дверь на себя и не удивилась бы, столкнувшись лицом с...

Да, *с кем именно?* Она ведь так и не разглядела, кто же забрался в дом к Аглае, и не могла сказать, был ли это мужчина или женщина.

Или, кто знает, ребенок, предположим, *мальчик в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами.*

Осматривать забитый бумагами секретер она не стала, так как все равно бы не определила, что именно прихватил визитер. Как и не стала заходить в гардеробную, в которой стоял шкаф.

Однако дверь в другую комнату, похожую на музей, была приоткрыта. И Наталья увидела, что старинный деревянный паровозик, что лежал на выцветшем ковре, *бесследно исчез.*

Его что, забрал с собой *мальчик-призрак?*

Наталья быстро вышла в коридор, слетела вниз по лестнице и бегом выскочила наружу, туда, где сияло майское солнце, щебетали птицы и все было в полном порядке.

Или не совсем.

Заперев на ключ дом, она пересекла улицу – и вдруг увидела, что ворота ее особняка, которые она точно запирала, уходя «на дело», стоят открытые. Наталья опрометью броси-

лась туда – и увидела знакомый «Мазерати» оранжевого цвета, вернее оттенка *спелой хурмы*, как не без гордости заявлял владелец сего авто. Наталья же наивно полагала, что сравнение с колером гнилой тыквы подходит *больше*. Он, этот самый владелец, белозубый, надменный, черноволосый Феликс, стоял рядом и протягивал Кирюше футбольный мяч.

– ...и еще у меня есть для тебя постер с твоими любимыми черепашками-ниндзя. Хочешь прокатиться и на него взглянуть?

Безмятежно восседавшая неподалеку Гертрудочка и не думала защищать ребенка от незваного гостя, видимо, и не представляя, что это входит в спектр ее обязанностей.

– Что ты здесь делаешь? – закричала Наталья, бросаясь к незваному гостю и становясь между ним и ребенком. – Кирилл, отдай обратно!

– Мамочка, но это же дядя Феликс! Он специально приехал из Москвы, чтобы навестить нас. Он по нам скучал.

– По нам, детка, правильно – *по нам!* – произнес со своей вечной циничной усмешкой Феликс и перевел взгляд на задыхавшуюся от страха и гнева Наталью. – Где ты бродила? Думаешь, это нормально оставлять ребенка одного на столько времени? Я тут уже минут сорок, а ты только сейчас появилась.

Уж перед кем-кем, а перед Феликсом Наталья точно не собиралась отчитываться, хотя понимала, что он прав. Потому что с Кирюшей за те без малого два часа, которые она

провела в соседнем доме, могло произойти *все что угодно*.

Да, все что угодно. И даже *намного хуже*.

– Ты специально нас отыскал и сюда приперся, чтобы читать мне нотации? – произнесла она, вырывая из рук Кирилла мяч и всучивая его гостю. Мальчик тотчас принялся плакать.

– Ну и чего ты добилась, детка? – проговорил лениво Феликс. – Только ребенка расстроила. Так где ты была?

Он не без любопытства взирал на висевший у нее на плече рюкзак, и Наталья могла поклясться, что их гость многое бы дал, чтобы узнать, что же в нем лежит.

Фонарик да ключи от чужого дома.

– Это ты добился, к твоему сведению! – заявила она и обхватила ребенка за плечи. – Кирилл, живо в дом!

– Я не хочу! – завопил, рыдая, мальчик. – Мама, ты злая! Дядя Феликс такой добрый, он подарки привез, хотел меня на автомобиле покатать, а ты явилась и все испортила. И бейсболку с моим именем английскими буквами подарить обещал. Ты злая и дурная, мама!

И, продолжая плакать, он убежал в сад. Гертрудочка, переваливаясь с лапы на лапу, посеменила за ним.

– Как он прав, детка! Ты *злая и дурная*! Какая точная характеристика, данная тебе собственным сыном! – Феликс зло рассмеялся и швырнул мяч вслед за Кириллом.

– Если так, то чего тогда увивался за мной! – заявила женщина и закатила Феликсу пощечину. – Как ты смеешь заяв-

ляться просто так и склонять моего ребенка к тому, чтобы он сел к тебе в автомобиль!

Потирая немедленно налившуюся багряным щеку, Феликс ответил:

– И что в этом такого? Думаешь, ему приятно торчать в этом медвежьем углу, детка? Что, считаешь, что сбежала от мужа и что он вас тут не найдет? Куда там! Я без особого труда разыскал, и Алексей тоже до вас доберется.

Внимательно посмотрев на Феликса, Наталья сказала:

– Повторюсь: ты что, приехал из Москвы, чтобы сообщить мне это? Мог бы отправить сообщение по вацапу, в самом деле. И к твоему сведению, от Алексея мы не сбежали. И я не исхожу из того, что он нас не найдет. Если бы хотела сбежать, то мы были бы точно не здесь и, вероятнее всего, давно даже не в России!

Феликс усмехнулся и заметил:

– Не знаю, чему верить, а чему нет, детка. Ты ведь женщина очень таинственная. Вроде бы такая простая, а чуть копни, сразу масса секретов.

– В этом, – процедила уязвленная Наталья, – мы родственные души. У тебя ведь, дорогой мой, *тоже* имеются секреты, не так ли?

– А у кого их нет? – вздохнул Феликс, однако Наталья заметила, что упоминание секретов, *его собственных секретов*, его покорило.

– И снова скажу: не для того, чтобы сообщить мне эту ба-

нальность, ты приехал сюда из Москвы, ведь так?

Вытащив из заднего кармана джинс пачку сигарет, Феликс закурил.

– У меня в доме не курят, ты ведь это знаешь! – заявила она, а Феликс заметил:

– Ну, это не дом, а двор. И не твой, хоть бумаги тобой и подписаны, а твое совместное имущество с Алексеем, вы ведь до сих пор состоите с ним в браке, не так ли, детка?

– Чего ты хочешь? – спросила Наталья, и Феликс, пустив ей в лицо дым, ответил:

– Твой пакет акций, детка. Продашь его мне, и я помогу тебе избавиться от Алексея. Раз и навсегда.

Наталья пристально посмотрела на Феликса и произнесла:

– Что ты имеешь в виду?

– Скажи лучше, что *ты* имеешь в виду? – парировал он. – Никто толком не знает, что у вас там произошло. Да, он общается со своей бывшей, но ведь это для тебя не новость, возвращаться к ней он не собирался. Да, у него там дети, но они у него всегда были и будут, и это не то, что тебя особо заботило. Ну, конечно, имеется молодая пташечка, но, поверь, это больше так, дань моде и социальному положению, нежели что-то серьезное. Ради нее он тебя, детка, явно бросать не намеревался. *Но ведь бросил!*

– Я же сказала, что это я от него ушла! – заявила в сердцах Наталья. – И вообще, зачем тебе столько знать? Какое твое дело?

Швырнув окурок на землю и растерев его носком стильного сапога из кожи акулы, Феликс ответил:

– Потому что нутром чую, детка, что тут что-то на моих глазах вершится, но не могу понять, что именно. И упускаю нечто для себя крайне важное.

– Не в первый раз, – заявила Наталья и, посмотрев на Феликса, сказала: – Продавать пакет акций я не собираюсь, и уж точно не тебе. Так что зря старался.

– А Кирюша хороший мальчик, – произнес московский гость, и Наталья остановилась как вкопанная.

– Ты это о чем? – вспыхнула она. – Ты что, желаешь использовать моего сына, чтобы я приняла нужное тебе решение? Я тебя предупреждаю, Феликс, это выйдет тебе боком.

Тот, прыгая в свой оранжевый автомобиль, заявил:

– По себе людей не судят, детка. Просто я похвалил твоего сына, что в этом зазорного? Он и в самом деле славный мальчуган. Хотел бы, чтобы у меня был такой.

– Не будет! – крикнула Наталья, чувствуя, что к глазам у нее подкатывают слезы. – Никогда не будет!

– Знаю. Но трагедии из этого не делаю, детка. У меня иные приоритеты. Но к чему я это говорю... Алексей – или кто-то иной – может без зазрения совести использовать мальчика в своих интересах. А ты исчезаешь черт знает на сколько, оставляешь его одного и надеешься на чудо? Какая же ты после этого мать, детка? Одно слово – *отвратительная!*

Хотя Наталья и понимала, что Феликс, как обычно, пыта-

ется вывести ее из равновесия и тонко нахамить, также она понимала, что он прав. Да, она не имела права оставлять Кириюшу, не имела. Просто она уж слишком увлеклась этим дурацким расследованием.

Расследованием, целью которого было установить, *а были ли мальчик*. В красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами.

– Скажи, когда ты приехал, он... Он был тут один? – вырвалось вдруг у нее.

– А что? – Феликс был явно удивлен ее вопросом. – Ну, с этой жирной смешной собакой. Кстати, откуда вы ее выкопали? Или тут *еще кто-то* должен быть?

Нет, не должен, потому что если бы Феликс сообщил ей, что Кириюша был не один, а в компании этого самого таинственного мальчика...

Тогда бы это точно была проблема!

– Правда, его друг уже ушел домой.

– Что? – Глаза Натальи полезли на лоб. – Ты *его* видел?

Феликс, явно не понимая, в чем дело, произнес:

– А ты чего вся на нервах, детка? Решила отгородить сына каменной стеной от всего остального мира? Не надо, это блажь.

– Будет *свой* сын, делай с ним все что хочешь! А мне советы в воспитании *моего* давать не смей! – закричала, поражаясь своему тону, Наталья. – Так ты *его* видел?

Заводя автомобиль, Феликс бросил:

– Да нет же, Кирюша сказал, что этот мальчик убежал, когда увидел, как я подъезжаю. Хотя какой мальчишка бы убежал, не рассмотрев мое авто. Я тебе на следующей неделе брякну, детка. А ты пока подумай над моим деловым предложением. Я за ценой не постою, детка. Кстати, хата так себе, могла бы купить что-то и получше! Чао!

И, дав по газам, столичный гость покатил прочь. Меньше всего Наталью интересовало деловое предложение, и ей было решительно наплевать на цену, которую Феликс собирался ей озвучить.

Тот факт, что Кирилл снова завел речь о воображаемом друге, увы, вписывался в общую схему. И Феликс прав: существуй мальчишка на самом деле, он, конечно, остался бы, чтобы рассмотреть крутую оранжевую «тачку», на которой из столицы прикатил пижон Феликс.

Но мальчик этого не сделал, потому что мальчика не существует. *А это значит...*

– Мама, мамочка! – К ней подбежал запыхавшийся Кирилл, который уже забыл об их недавней ссоре. – А можно мой друг сегодня с нами поужинает?

Наталья потрепала сына по волосам и сказала:

– Ну, конечно, можно. Кстати, как его зовут? Он так и не сказал?

– Сказал! Только я дал ему честное слово, что никому не скажу. Потому что его имя нельзя говорить взрослым. Он сам, если захочет, это тебе сообщит. Он говорит, что ты у

меня классная! А я и так знаю, что ты классная!

Наталья поцеловала сына и, отметив, что лоб у него горячий, сказала:

– Ну, ты уже сегодня набегался, пора и честь знать. А твой друг... Он *отсюда*?

– Да, отсюда! – кивнул Кирюша. – А я совсем ничуть не устал, мамочка! Можно я еще побегаю?

– Ну, если только совсем немного. А откуда отсюда? У него здесь родители живут? Или, может, *бабушка*?

Кирюша мотнул головой:

– Он сам по себе. И он отсюда.

– Я это поняла, – сказала Наталья с улыбкой. – Из нашего поселка.

– Нет, мамочка, не из поселка. Из нашего дома. Он *там живет*. Уже давно. *В шкафу*, ну, в том, что стоит в угловой комнате. И хотя он просил никому не говорить, но тебе я это скажу. Он мальчик особенный. Он мертвый, мама. Понимаешь, *мертвый*. Но он хороший. Просто он очень одинокий. Очень. Но теперь у него есть я!

И, сказав это, Кирилл снова умчался в сад.

К вечеру у сына поднялась температура, его начало рвать. Наталья была сама не своя, вызвала «Скорую», боялась, что Кирилла отправят в больницу. Однако все обошлось. После двух инъекций мальчику стало лучше.

Всю ночь она провела с ним вместе, прижавшись к нему

телом и вслушиваясь в его ровное дыхание. И заодно в скрипы и стоны старого дома. Разыгрался ветер, и ей чудилось, что по дому кто-то ходит.

А что, если там в самом деле кто-то ходил? Ведь она убедилась в том, что кто-то проник из подземелья в дом Аглаи. А что, если это и был мальчик в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами, который не хотел, чтобы его имя знали взрослые? И который был... Да, какой он был?

Мертвый.

Наталье в ту полную звуков ночь было страшно, как еще *никогда в жизни*. Потому что она лежала, вслушиваясь в заывания ветра и скрипы дома, а в голове билась одна мысль: а что, если дверь распахнется и на пороге возникнет этот самый мертвый мальчик? Который пришел, чтобы *забрать у нее сына*.

Сном она забылась только под утро, когда в окно уже вливался ранний седой майский рассвет.

Утром все показалось ерундой: и ночные страхи, и ее паника, и ожидание того, что в комнату Кирюши ввалится мальчик-призрак. *Хотя разве у призраков могут быть белые волосы и синие-пресиние глаза?* И в особенности *красные рубашки?*

Сыну полегчало, он хотел отправиться в сад, однако Наталья ему запретила. Во-первых, потому, что он все еще был

бледен и слаб и ему требовался постельный режим. А во-вторых...

Во-вторых, она хотела проверить: а что, если этот мальчик в самом деле существует – он что, явится за Кирюшей, чтобы позвать его на свежий воздух?

– А этот мальчик... О котором ты говорил... Он точно... *мертвый*? – спросила Наталья наконец, зайдя в очередной раз в комнату сына. Окрепший Кирюша возился на ковре с разноцветными автомобилями.

– Совсем-совсем, – кивнул сын, не отвлекаясь от игры. Наталья присела рядом с ним, притянула голову ребенка к себе и поцеловала Кирюшу в лоб.

– Мамочка, не надо этих телячьих нежностей! – запротестовал мальчик. – Я уже большой!

Наталья подумала, что у этого, *другого* мальчика тоже должна была иметься мать. И что, если в то время, пока она пыталась провести обыск в доме вдовы композитора, туда, из недр необъятного подземелья, наведалься именно он. *Этот мальчик из зашкафья.*

И прихватил *драже и старый паровозик.*

– А почему он умер? – вдруг вырвалось у Натальи, и она поняла, что вопрос, который уже некоторое время мучил ее, вдруг сам слетел с губ.

– Его убили, мамочка, – все так же безучастно заметил Кирюша.

Наталья в ужасе уставилась на ребенка. И откуда он может

знать *такие* вещи? Ведь ни один ребенок на свете не в состоянии выдумать ничего подобного! Выходит, что мальчик имелся на самом деле?

– *Убили?* Но *кто?* – переспросила она внезапно осипшим голосом, но в этот момент раздался звонок ее мобильного откуда-то издалека – кажется, она оставила его в своей комнате.

Сын так ничего и не ответил, и момент, похоже, был упущен. Наталья вернулась к себе в комнату и приняла звонок.

– Здравствуйте, Наталья... Наталья Александровна... Это Саша. То есть Александр... Я недавно выполнял кое-какие работы у вас в доме.

Наталья сначала не могла сообразить, кто говорит, но вдруг перед ее мысленным взором всплыл образ приятного улыбчивого молодого человека, того самого мастера, который спускался в подземелье за шкафом.

– Извините, что беспокою вас, – продолжил он, заметно конфузясь, – просто я решил, что могу посоветовать вам опытных хороших мастеров, которые могут заняться осмотром. Ну, этой каменной стены и металлической двери у вас в доме. Там, за шкафом...

Наталья, вышедшая в коридор, замерла около угловой комнаты, в которой располагался пустой шкаф, служивший входом в подземелье. На всякий случай она опустила вниз тусклую металлическую дверную ручку – шкаф и комнату она сразу же после визита мастера заперла, а ключ взяла к

себе в комнату.

Не хватало еще, чтобы Кирюша, которого так и тянуло к приключениям, зашел туда и полез в подземный ход. Но это было еще *полбеды*.

Отчего-то ей думалось, что то, что бродит по подземельям, может выбраться из шкафа и оказаться прямоком у них в доме!

Например, *мальчик в красной рубашке, с белыми волосами и синими-пресиними глазами...*

– Да, Саша, отлично, что вы позвонили! – ответила Наталья, приняв окончательное решение. Дверь в угловую комнату, конечно же, была заперта – иного она и не ожидала. Хотя если речь шла о призраках, то закрытой дверью их остановить было явно *нельзя*.

Молодой человек зачастил:

– Поверьте, это хорошие, надежные люди. И из тех, что болтать не будут. И дело они свое знают. Драть три шкуры тоже не будут.

Наталья не сомневалась – Саша позвонил не только для того, чтобы посоветовать ей мастеров для разборки стены и вскрытия двери. В конце концов, таких она бы и сама без особых трудов нашла.

– Вот я и подумал, может быть, мы сможем встретиться, чтобы... чтобы я передал вам данные этих ребят? – завершил он свой долгий путанный монолог, к которому Наталья не прислушивалась, потому что никак не могла выбросить

из головы комнату со шкафом *и в особенности мальчика с белыми волосами и синими-пресиними глазами.*

– Встретиться? – переспросила она, не понимая, о чем идет речь. Возникла короткая тягостная пауза. И только потом до женщины дошло – господи, да этот юнец позвонил вовсе не для того, чтобы дать ей совет относительно мастеров, а чтобы *пригласить ее на свидание!*

Собственно, когда она была последний раз *на свидании?* Давно, очень давно. Еще до того, как вышла замуж за Алексея. Хотя тот не был большим любителем романтики. В отличие от Феликса, который, надо признать, умел поразить щедростью своей инфантильной души.

– А... Извините... Наташа... то есть Наталья Александровна. Я хотел бы сказать... Просто я не так выразился...

– Думаю, – заметила с легкой улыбкой женщина, – вы выразились очень даже так. Вы что, хотите вывести меня в свет?

Хотя какой может быть *свет* в этом областном поселке? Да, ее не приглашали на свидание давно. И, наверное, слишком давно.

– Я вот подумал... Если вы не будете возражать... Тут недалеко имеется один неплохой ресторанчик... Даже по столичным, как говорят, меркам... Быть может...

Он смолк, а Наталья не стала его торопить, размышляя над тем, сколько же мастеру Саше лет. Точнее, на сколько же он младше ее. И пришла к выводу, что не менее чем на

двенадцать, а то и на все пятнадцать-шестнадцать. Или даже *семнадцать*?

Ведь она тоже уже не девочка, ей почти сорок. И она замужем. *Пока еще*. И у нее пятилетний сын, решивший обзавестись вымышленным мертвым другом.

Или *не вымышленным*?

– А знаете, Саша, это ведь отличная идея! – сказала она, но тут же добавила: – *Теоретически* отличная, но я не могу.

– Понимаю... – протянул уныло молодой человек. – Ваш муж...

– Мой муж далеко отсюда, и вообще мы скоро разведемся. *Наконец-то*, – расставила сразу все точки над *і* Наталья. Зачем ввергать молодого человека в трепет, пугая его наличием на заднем плане богатого и могущественного супруга.

Супруг, богатый и могущественный, у нее имелся, однако для Натальи это теперь не имело ни малейшего значения. Потому что Алексей пошел не просто против нее – он пошел против Кирюши. И намеревался сделать их сыну больно, *очень больно*.

А этого она допустить никак не могла. Вот почему в одночасье и ушла от него. *Навсегда*.

– Мне жаль... – пробормотал совсем сбитый с толку Саша, а Наталья ответила:

– А вот мне ничуть. И дело вовсе не в нем. Дело в моем сыне. Он заболел, и я не могу оставить его одного. То есть он, конечно, выздоровеет, он и сейчас уже идет на поправку,

но я все равно не могу его оставить одного.

Она дала себе слово, что никогда больше не бросит на произвол Кирюшу, ее сына. Нет, не сына Алексея, а исключительно *ее* ребенка. *И ничего более.*

– Что с мальчиком, с ним все в порядке? – всполошился Саша. – А врача вызывали? – Поняв, видимо, что позволил себе лишнее, виновато заметил: – Просто у меня самого имелся младший братишка...

Наталья про себя вздохнула. Что же, наверное, она в самом деле достигла того возраста, ну, и заодно социально-го положения, когда настала пора заводить роман с привлекательным юным водопроводчиком. Однако становиться одной из «Отчаянных домохозяек» она не намеревалась. Хотя она и была – и отчаянная, вернее, *отчаявшаяся*, и домохозяйка. Да, хозяйка старого дома со шкафом, являвшимся входом в подземелье.

Так что не повезло Саше, ему она откажет. И пусть расстроит молодца, ничего, он скоро найдет утешение в объятиях какой-нибудь молодой поскакушки. В том, что девушки этому Саше на шею вешались, Наталья ничуть не сомневалась.

Требовалось завершить затянувшийся и грозивший перерасти во что-то большее и ей ненужное телефонный разговор. Или все-таки *нужное*?

– Передавайте ему от меня пламенный привет, Саша! – произнесла Наталья, намереваясь пожелать всего лучшего и

старшему брату и отключиться. Но молодой человек на это тихо ответил:

– Как бы мне хотелось сделать это, но я, увы, не могу. Дело в том, что он умер.

Наталью словно током ударило. Удерживая одной рукой телефон у уха, она вцепилась другой в перила лестницы.

– *Умер?* – пролепетала она. – Но как? И почему? – Осознав, что вопрос прозвучал более чем нетактично, быстро поправилась: – Мне очень жаль...

– *Пропал,* – проронил Саша. – *Без вести.* Мне не хотелось бы говорить об этом. Хотя, быть может, когда-нибудь я вам и расскажу... Но не сейчас, не сейчас...

Чувствуя себя премерзко, Наталья не знала, как себя вести. Отшить парня и завершить разговор прямо сейчас было бы просто ужасно.

– А знаете, ведь моя сестра могла бы присмотреть за Кириллом! – произнес Саша. – Она с детьми обращаться умеет, она – воспитательница в детском саду! Дети ее обожают. И мы бы могли с вами посетить этот ресторанчик... – Он смутился и еле слышно добавил: – Если вы хотите, конечно.

Наталья *хотела*. И переменила свое решение, только что принятое. И почему, собственно, она должна отказываться от своей личной жизни только из-за того, что...

Да, *из-за чего*, собственно? Нет, ради Кирюши она была готова отказаться от всего на свете, даже от собственной жизни, но ведь он – ее сын, и это вполне естественно. Любая

мать поступила бы на ее месте точно так же.

Любая?

А что касается Алексея, то это осталось в далеком прошлом. И то, что связывает ее... нет, *связывало* когда-то с Феликсом, тоже. А уходить в монастырь она не собиралась. Так почему бы не принять предложение симпатичного и понравившегося ей молодого мужчины, глупо отказывать ему только по той причине, что у них значительная разница в возрасте, причем не в ее пользу.

– Да, хочу! – ответила Наталья. – И пусть ваша сестра присмотрит за Кирюшей. Я, конечно же, заплачу, сколько она берет?

– Нет, что вы, она сделает это бесплатно, – заявил явно повеселевший Саша, но Наталья была непреклонна: никаких дармовых услуг ей не требовалось. Да и, в конце концов, деньги у нее были. По крайней мере, в данный момент. Хотя это были не ее деньги, а Алексея, однако она была уверена, что он, несмотря на всю сложность ситуации, не оставит ее без гроша за душой. Не захочет – *и не посмеет*.

Ее и Кирюшу.

И, в конце концов, у нее имелись еще и *акции*...

– Об этом не может быть и речи! – прервала она изливания Саши. – Назовите цену в час! Сколько она берет?

Он назвал – Наталья снисходительно усмехнулась. За *такие* деньги в близлежащей Москве никто и собаку бы выгулять не взялся, не то чтобы присмотреть за ребенком.

– Сын пока что еще болен, однако, думаю, в конце недели или в начале следующей может получиться, – сказала она. – А знаете что? Приезжайте с сестрой к нам завтра или послезавтра! Заодно и информацию по своим рабочим завезете. Вы ведь знаете, где нас найти! Вас шесть вечера устроит?

Прежде чем доверять сына незнакомой женщине, пусть даже и *распрекрасной воспитательнице*, Наталья хотела поближе познакомиться с ней, – чтобы понять, сможет ли она *вообще* доверить ей ребенка.

– Устроит! – воскликнул обрадованный Саша.

Удивительно, но Наталья ждала новой встречи с молодым мастером с каким-то странным томлением. Не то чтобы он так ей понравился... Однако она не могла отрицать, что и *не* понравился. Однако для чего он ей требовался? В качестве той-боя, мужчины на час? Многие из ее московских подруг, приближаясь в заветной цифре с четверкой вначале, а то и перейдя этот рубеж, пускались во все тяжкие, опасаясь, что не успеют в полной мере насладиться утекающей с каждым годом все быстрее меж пальцев жизнью. Наталья посмеивалась над ними, потому что не только никогда не изменяла Алексею, но и даже не помышляла об этом. *В отличие от него самого.*

И уж точно она бы никогда не поверила, если бы кто-то сказал ей, что она решит завести адюльтер с молодым провинциалом. Нет, нездоровым снобизмом она не страдала, просто не понимала: *зачем?*

Снуя по дому, Наталья думала о том, что никакого адюльтера она заводить, естественно, не намерена. Она ведь тоже человек и не может все время сидеть, как прикованная, в их новом доме.

Их *странном* новом доме.

Прыгать в койку к Саше она не собиралась, да и превращать его в своего альфонса тоже. Разве было что-то зазорное, более того, запретное в том, чтобы на пару часов отправиться с занятым человеком, который сам проявляет к ней интерес, в ресторан? Хорошо поесть, выпить бокальчик отличного белого вина...

Вот именно, ровным счетом *ничего*. И совращать Сашу она не намеревалась, как и не собиралась поддаваться на трюки приткого молодого человека. Но хоть она и видела его всего один раз в жизни, однако уже составила о нем мнение и была уверена, что он не принадлежал к числу томных красавцев, очаровывающих дам бальзаковского и постбальзаковского возраста и вытрясающих из них последние – или *далеко не последние* – грошики.

Саша был обыкновенным привлекательным молодым человеком. Не больше, но и не меньше.

И, вероятнее всего, это было как раз то, что ей в данный момент требовалось.

Саша вместе со своей сестрой, которую, как оказалось, звали также Натальей, приехал к ним два дня спустя. К то-

му времени Кирюша полностью поправился – и, что важнее всего, не упоминал более своего *мертвого* друга.

Ребенок был чрезвычайно рад визиту Саши и даже с разбегу запрыгнул ему на грудь, как будто они были старыми приятелями. Наблюдая за тем, с какой нежностью Саша обращается с ее сыном, Наталья вдруг подумала, что это именно то, чего не хватало Кириллу все эти годы – *отцовской любви*.

Алексей не был плохим отцом, он не был и отцом *хорошим*. Он, как и множество мужиков, просто-напросто был *никаким* отцом. Физически присутствовал, даже принимал посильное, хотя и не такое уж явное участие в воспитании сына, однако всерьез им не интересовался и воспринимал ребенка как данность – как домашнее животное или предмет интерьера. Дорогой, важный, но не до такой степени, чтобы любить его.

Еще бы, ведь Алексей хотел *дочь*.

Раньше Наталья сердилась, но теперь поняла, что это, наверное, даже было и к лучшему. Потому что после того, что произошло, после всего того, что Алексей собирался сделать с Кирюшей, было как нельзя кстати, что между обоими не имелось особой душевной привязанности.

И все же именно это – отсутствие отцовской любви – было тем, чего не хватало Кириллу. И, не исключено, именно по этой причине мальчик и изобрел себе странного и даже *страшного* друга, стараясь компенсировать в фантазиях то,

чего ему так не хватало в реальной жизни.

– Добрый вечер, проходите! – приветствовала гостей Наталья, поморщившись при созерцании уж слишком, на ее вкус, бурной сцены приветствия. Сестра Саши оказалась не младшей, как она отчего-то себе представляла, видимо вбив себе в голову, что бебиситтеры обычно юные девицы, во всяком случае, в иностранных фильмах, а *старшей*. Полноватой, невысокой, с рыжеватыми локонами женщине было около тридцати, она, как уже было сказано, оказалась тезкой Натальи и попросила звать ее *Натой*.

Последовало степенное чаепитие на террасе с видом на заброшенный сад. Пока Саша вместе с Кириллом, сопровождаемые неистово лаявшей Гертрудочкой, носились туда-сюда, Наталья вела неторопливый разговор со своей тезкой. И та с каждой минутой нравилась женщине все больше и больше. Она была рассудительной, доброй, однако умеющей настоять на своем особой, к тому же имевшей два вузовских диплома и, несмотря на свой возраст, солидный опыт работы с детьми.

– Ваш брат упомянул трагедию с вашим другим братом, – произнесла наконец Наталья, пододвигая к гостье тарелку с овсяным печеньем (увы, предложить такие же яства, какими ее потчевала все еще лежавшая в коме Аглая, она не могла).

– Это так, – ответила, понизив тон, Ната. – Увы, кошмарное стечение обстоятельств. Саша так был привязан к нему. И совершенно необоснованно он винит себя в смерти Мак-

сика. Однако его вины нет, абсолютно нет!

Наталья взглянула на Нату, которая заявила это с таким жаром, как будто сама хозяйка дома утверждала противоположное.

— А могу ли я спросить, что произошло? — начала она, и в этот момент мяч, запущенный Кириллом, приземлился прямо посреди стоявшего на террасе столика. От чайного сервиза остались только осколки.

Наталья была возмущена, хотя понимала, что сына нельзя за такое корить и тем более наказывать. Однако он разошелся не на шутку, сияя улыбкой и брызжа энергией. *Неужели это визит Саши на него так подействовал?*

Она сочла нужным отчитать сына, который, однако, хотел и не хотел понимать, в чем заключается его проступок. Наталья начала злиться, ей было стыдно перед гостями. Она едва не сорвалась, накричав на Кирюшу, однако ее мягко отстранила Ната, взявшая инициативу на себя. Она отвела мальчика в сторону и стала что-то негромко говорить ему, взяв его за руку. И, о чудо, спустя всего несколько минут пристыженный Кирилл вернулся к ней и *попросил прощения*.

— Мапочка, я не хотел. Извини меня, пожалуйста! Просто нам было так весело...

Вертевшаяся рядом Гертрудочка, словно в подтверждение его слов, громко тявкнула. Наталья уже больше не злилась на сына, хотя сервиз, который он расколол, был дорогой и купила она его меньше двух недель назад.

– И как вам удалось заставить его принести извинения? – спросила она чуть позже, на кухне, убирая остатки былой роскоши. Ната, подавая ей единственную целую тарелку, с улыбкой сказала:

– Просто к каждому надо найти индивидуальный подход.

– Откройте, прошу вас, секрет, какой такой индивидуальный подход требуется к моему сыну?

Наталья была заинтригована, ведь то, как ее тезка обуздала разошедшегося Кирилла, произвело на нее неизгладимое впечатление.

– Знаете, я сказала ему, что если он будет продолжать проказничать и не станет слушать вас, то я его *съем!* – произнесла сестра Саши.

Наталья уставилась на женщину, на ее немигающие, чуть выпуклые глаза, на ее нежные губы и мягкие щечки. Господи, да ведь она так похожа на *ведьму!* Нет, не стандартную злую старуху с крючковатым носом и с бородавкой на подбородке, а на современную колдунью – компетентную, милостивую, вызывающую у любого родителя доверие и обладающую двумя дипломами о высшем образовании.

И тем не менее ведьму, как и все ее товарки, питающуюся нежным детским мясом. *Мясом непослушных глупых мальчиков.*

– Вы это... – Слово «серьезно» застряло у Натальи в горле, однако в этот момент Ната звонко расхохоталась, и женщина поняла, что это была всего лишь шутка. Злая и жестокая, но

все же шутка.

Или нет?

– Извините, но свои профессиональные секреты я не раскрываю! Иначе если я поведаю обо всем родителям, то останусь без работы! Не могли бы вы подать мне висящее за вами полотенце?

Улучив момент, Наталья отвела сына в пустую комнату и, прикрыв дверь, тихо спросила:

– А что тебе сказала тетя? Ну, когда вы наедине были? Она сказала что-то... *плохое?*

– Ну что ты, мамочка! – заявил Кирилл. – Ната крутая! И очень добрая! Сказала, что я должен подумать, хочется ли мне огорчать свою маму. Я подумал и понял, что не хочется.

У Натальи отлегло от сердца. Но отчего Ната позволила себе подобное бестактное замечание? Затем, наблюдая за резвившимся в коридоре с Гертрудочкой сыном, Наталья вдруг задумалась над тем, а сказал ли Кирилл ей правду.

А что, если он просто не захотел расстраивать ее? И утаил от нее страшную правду.

– Ну как, все в порядке? – услышала она голос и вздрогнула, потому что Саша подошел к ней со спины. Наталья едва не подпрыгнула от ужаса и только потом осознала, что он воспользовался смежной комнатой, которая вела в соседнее помещение.

– Да, да, все в полном.... *порядке...* – Последнее слово она выдавила из себя с трудом. Сердце отчего-то билось все

сильнее и сильнее.

Саша протянул ей визитную карточку.

– Вот, как я тебе... то есть вам и обещал. Работой останетесь довольны.

Наталья мельком взглянула на визитку и слишком поздно заметила, что Саша еще не отпустил картонный прямоугольник. Их пальцы на мгновение соприкоснулись.

– Да, спасибо... Я этим на днях займусь.

Он наконец отпустил визитку, и Наталья даже пожалела, что это произошло.

– Если решишь дать совет. То есть если *разрешите* дать совет, то лучше позвоните им не откладывая. Завтра или даже сегодня вечером. Это в порядке вещей. У них, как я совершенно случайно знаю, на носу большой заказ. И к тебе... То есть к вам они могут приехать в ближайшие дни. Потому что потом дело труба, возможно, и до конца лета ничего не получится.

– Хорошо, позвоню, – твердо пообещала Наталья.

Саша приблизился к ней и, смущаясь, спросил:

– Ну так как с моим... *предложением*? Кирюха вроде бы полностью выздоровел, носится как угорелый. Ната сможет послезавтра с ним посидеть. Ты... Вы согласны?

Наталья бросила тревожный взгляд в коридор – она заметила внимательно наблюдавшую за ее сыном Нату. Странно, но женщина не улыбалась, более того, ее лицо было напряжено, на нем застыла странная гримаса, некая смесь страха

и ярости.

Но как только мальчик что-то сказал ей, на лице Наты тотчас возникла добрая теплая улыбка. Метаморфоза длилась считанные мгновения, но от внимания наблюдавшей за женщиной Натальи не ускользнула.

Или ей только показалось?

– Ну... – Отчего-то Наталье не хотелось оставлять сына с этой женщиной, хотя та, и это было глупо отрицать, была великолепным педагогом и умела обращаться с детьми, даже самыми капризными. – Ну, а ваша сестра согласна?

– Да, иначе бы я и не предлагал.

– А Кирилл согласен? – выпалила Наталья первое, что пришло на ум, и Саша крикнул:

– Кирыч, тебя мама зовет!

Сын, зажав в руках мяч, подбежал к ним, и тетка последовала за ним. Саша присел перед ребенком и спросил:

– Ты ведь останешься с Натой, пока... пока мы с твоей мамой будем отсутствовать? Недолго.

Рука тетки легла на плечо ребенка, и тот с готовностью произнес:

– Да, мамочка, останусь! Ната, а ты умеешь играть в футбол?

– И даже в волейбол! – ответила та с усмешкой, и Кирилл снова унесся в коридор.

– Ну вот видишь... То есть я хотел сказать, вот видите, – произнес Саша, когда его сестра тоже удалилась. – Ната –

педагог от Бога! Дети к ней тянутся.

Наталья не выдержала:

– Какое странное прозвище! Прямо кличка собачья! *Натал!*

Переменившись в лице, Саша произнес:

– Ей его дал наш братишка, Максик. Тот самый, который умер. Так ее зовут только самые близкие...

Помолчав, Наталья произнесла:

– Кстати, пора бы перейти с «вы» на «ты». Так во сколько ты за мной заедешь?

Похоже, визит Саши с Натой произвел на Кирюшу благотворное воздействие: вечером, когда Наталья зашла к нему, чтобы прочесть на ночь сказку, он уже лежал в постели – с почищенными зубами (!), в пижамке (!!) и зачесанными водой на манер денди двадцатых годов волосами (!!!).

– Мамочка, я так тебя люблю! – сказал он, обнимая Наталью. Та ощутила, как у нее потекли по щекам слезы.

– Я тебя тоже, милый мой мальчик, я тебя тоже!

История, которую она наугад выбрала в старом и потрепанном сборнике «Сказки народов мира», с которым уже много лет не расставалась и при бегстве из подмосковного палаццо прихватила в числе немногочисленных вещей с собой, оказалась уж слишком жуткой и кровавой. Наталья хотела было прервать чтение о том, как по приказу короля кого-то бросили на съедение медведям, но засыпающий Кирю-

ша пробормотал:

– Мамочка, продолжай! Королю потом голову медведь откусит. Это который принцем окажется...

Занятно, но так оно и вышло: только *откуда Кирюша мог это знать?* Наталья была уверена, что эту сказку никогда ему еще не читала.

Посмотрев на ритмично сопевшего мальчика, Наталья поцеловала его и поправила легкое одеяло – ночи, несмотря на то что на следующей неделе начинался июнь, были еще прохладные.

– Мне мальчик сказал. *Мертвый*. Когда в последний раз приходил, – произнес вдруг четко и ясно сын, и Наталья поняла, что задала мучивший ее вопрос вслух.

Она в ужасе воззрилась на Кирюшу, но тот уже снова спал. Неужели *опять*? Она ведь надеялась, что эта история с *мертвым* мальчиком благополучно закончилась. Но нет, похоже, не так все было просто.

Оставив в комнате Кирилла гореть тусклый ночник, Наталья вышла и притворила за собой дверь. Мобильный, лежавший в кармане ее халата, завибрировал. Так и есть, звонок. *От Алексея*.

– Ты не посмеешь продать акции Феликсу, ты поняла, не посмеешь! – рявкнул он вместо приветствия. Наталья, опасаясь, что его вопли, доносившиеся из телефона, разбудят Кирюшу, быстро отошла в глубь коридора.

– А ты не посмеешь мне звонить и угрожать, *это* понят-

но? – произнесла она свистяще. – Иначе в самом деле продам все Феликсу.

Муж тяжело задышал, а потом произнес:

– И нам надо поговорить о Кирилле.

– Нам *не надо* поговорить о Кирилле! – прервала его Наталья. – Что-то еще?

Муж упорно гнул свое:

– Нет, мы должны поговорить. То, что тогда произошло...

– ...больше никогда не повторится! – заявила Наталья. –

И прошу, Алексей, оставь нас в покое! Все осталось в прошлом – и наша совместная жизнь, и наш издательский дом. Понимаю, рано или поздно нам надо прийти к компромиссу, но не торопи меня. И умоляю, нет, *требую*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.